22 апреля—114-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 17 АПРЕЛЬ 1984

Памятник В. И. Ленину в Гаване

Авторы — советский скульптор Л. Е. Кербель и кубинский архитектор А. Кинтана

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВ

Под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко 13 апреля в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Открывая заседание, К. У. Черненко тепло поздравил членов Президиума с избранием в состав постоянно действующего органа Верховного Совета СССР и выразил уверенность, что все члены Президиума не пожалеют сил и энергии для того, чтобы быть на высоте ответственности, возложенной на них партией и Верховным Советом.

В своем выступлении на заседании кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов от имени членов Президиума сердечно поздравил К. У. Черненко с избранием на высший государственный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о задачах Советов народных депутатов по реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС и о плане основных мероприятий, намечаемых для проведения в Верховном Совете СССР на 1984 и 1985 годы. На заседании отмечалось, что апрельский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС, первая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва стали крупными событиями в политической жизни страны.

На заседании выступил К. У. Черненко.

Мы, сказал он в частности, находимся сейчас на ответственном рубеже реализации решений XXVI съезда КПСС, заданий одиннадцатой пятилетки. Набранный в последние годы темп работы важно не только закрепить, но и развить дальше. В решении этой задачи важная роль принадлежит Советам народных депутатов.

Президиум Верховного Совета СССР выразил уверенность, что все Советы народных депутатов, развивая и улучшая содержание и стиль своей работы, систематически укрепляя связи с широкими массами населения, внесут достойный вклад в выполнение задач совершенствования развитого социализма, которые решаются под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Президиум одобрил план основных мероприятий, намечаемых для проведения в Верховном Совете СССР на 1984 и 1985 годы.

НОГО СОВЕТА СССР

На снимке: во время заседания Президиума Верховного Совета СССР.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Сто пятьдесят суток проработали на борту орбитальной научной станции «Салют-7» советские космонавты В. А. Ляхов и А. П. Александров. Сложной и насыщенной была у них программа.

«С особой гордостью и восхищением следили мы за их умелыми действиями в открытом космосе. Впервые в истории космонавтики с высоким мастерством были проведены сложные монтажно-сборочные операции по установке дополнительных солнечных батарей на корпусе станции. Этот уникальный эксперимент вновь продемонстрировал высокий уровень отечественной науки и техники»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко 13 апреля в Кремле при вручении космонавтам высоких наград Родины.

Герой Советского Союза В. А. Ляхов награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда». А. П. Александрову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», ему также присвоено звание «Летчик-космонавт СССР».

Награжденные заверили, что советские космонавты не пожалеют сил для того, чтобы космос был мирным на благо всего человечества.

Героев космоса тепло поздравили присутствовавшие при награждении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-лейтенант авиации Г. Т. Береговой, другие официальные лица.

На снимке: во время вручения наград.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (2962)

21 АПРЕЛЯ 1984

РОДИНА СЛАВИТ ГЕРОЕВ

ВРУЧЕНИЕ В КРЕМЛЕ ВЫСШИХ НАГРАД СОВЕТСКИМ КОСМОНАВТАМ

РУКОВО

К. У. ЧЕРНЕНКО. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

А. Э. ВОСС. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Л. Н. ТОЛКУНОВ. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.

ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАРОДОВЛАСТИЯ

Два дня в Москве, в Кремле, работала первая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

Работа сессии началась 11 апреля на раздельных заседаниях палат Верховного Совета СССР — Совета Национальностей и Совета Союза. Были избраны Председатели Совета Национальностей и Совета Союза, их заместители.

Депутаты утвердили регламент раздельных и совместных заседаний Совета Союза и Совета Национальностей и единогласно утвердили повестку дня сессии и порядок рассмотрения вопросов.

Были избраны Мандатные комиссии Совета Национальностей и Совета Союза, заслушаны доклады председателей Мандатных комиссий.

См. стр. 28.

ПРЕЗИ

В. В. КУЗНЕЦОВ. Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Москва, Кремль. 12 апреля 1984 года. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

К. А. ХАЛИЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

ДИТЕЛИ ПАЛАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Т. Д. АДАМ-ЮСУПОВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Ю. В. БОНДАРЕВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Е. Я. ЛОБАЧЕВА. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Ф. ТОИРОВА. Заместитель Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

П. П. ГРИШКЯВИЧУС. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

О. С. КУЛОВА. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Х. А. НАРМАТОВА. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Б. Е. ПАТОН. Заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

ДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

М. А. ЯСНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. Ф. ВАТЧЕНКО. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

И. Е. ПОЛЯКОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. У. САЛИМОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Б. А. АШИМОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

П. Г. ГИЛАШВИЛИ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. С. БАРКАУСКАС. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

И. П. КАЛИН. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

П. Я. СТРАУТМАНИС. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. Х. КОШОЕВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Г. ПАЛЛАЕВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Б. Е. САРКИСОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

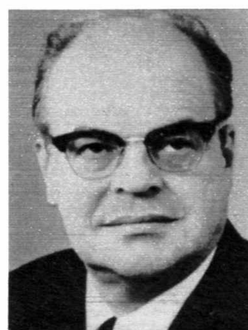
Б. ЯЗКУЛИЕВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. Ф. РЮЙТЕЛЬ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. Н. МЕНТЕШАШВИЛИ. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Г. БАСОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

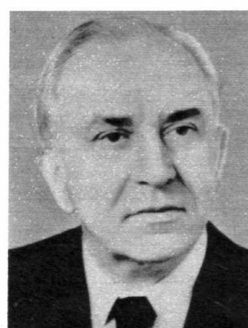
Р. А. ГАВРИЛОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Р. Г. ГАМЗАТОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. В. ГИТАЛОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ГРИШИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Г. М. ЕГОРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Б. Н. ЕЛЬЦИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Л. Н. ЗАЙКОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. А. ЗЛОБИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. А. КУНАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

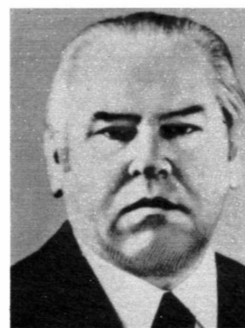
В. М. МИШИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. П. ОТКЕ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

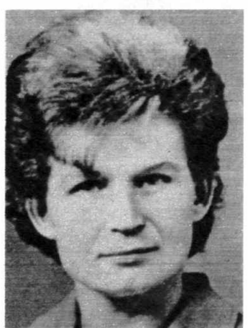
Н. Н. РЫЖОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Н. СЛЮНЬКОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Р. Н. СТАХЕЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ТЕРЕШКОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

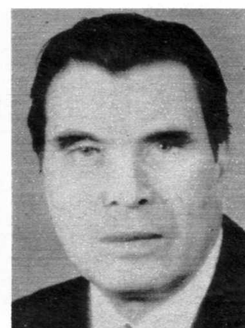
Г. И. УСМАНОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

И. Б. УСМАНХОДЖАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

М. З. ШАКИРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

С. А. ШАЛАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР — СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Н. А. ТИХОНОВ. Председатель Совета Министров СССР.

Г. А. АЛИЕВ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

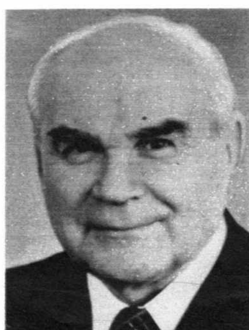
А. А. ГРОМЫКО. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР.

И. В. АРХИПОВ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

А. К. АНТОНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. К. БАЙБАКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного планового комитета СССР.

И. И. БОДЮЛ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В. Э. ДЫМШИЦ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Л. А. КОСТАНДОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. В. МАРТЫНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по материально-техническому снабжению.

Г. И. МАРЧУК. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по науке и технике.

З. Н. НУРИЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

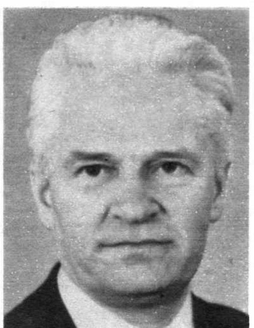
Л. В. СМИРНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. В. ТАЛЫЗИН. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Б. Е. ЩЕРБИНА. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

И. С. СИЛАЕВ. Министр авиационной промышленности СССР.

В. Н. ПОЛЯКОВ. Министр автомобильной промышленности СССР.

Н. С. ПАТОЛИЧЕВ. Министр внешней торговли СССР.

В. А. ДИНКОВ. Министр газовой промышленности СССР.

Б. П. БУГАЕВ. Министр гражданской авиации СССР.

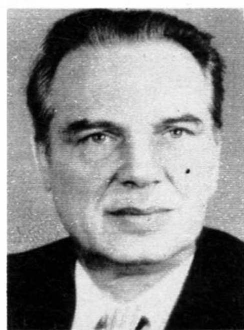

В. В. БАХИРЕВ. Министр машиностроения СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

К. Н. БЕЛЯК. Министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР.

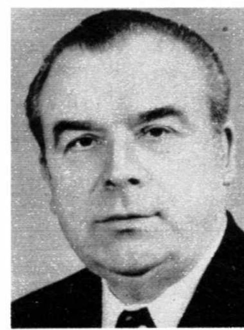
А. К. МЕЛЬНИЧЕНКО. Министр медицинской промышленности СССР.

Т. Б. ГУЖЕНКО. Министр морского флота СССР.

Н. А. МАЛЬЦЕВ. Министр нефтяной промышленности СССР.

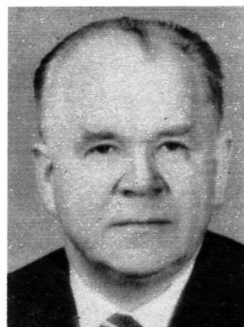
П. В. ФИНОГЕНОВ. Министр оборонной промышленности СССР.

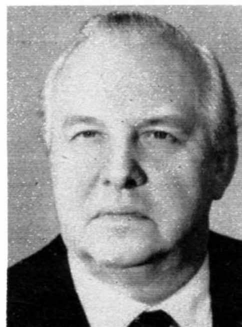
Д. Ф. УСТИНОВ. Министр обороны СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ. Министр среднего машиностроения СССР.

Б. В. БАЛЬМОНТ. Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

В. И. ЧУДИН. Министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР.

А. А. БАБЕНКО. Министр строительства СССР в районах Дальнего Востока и Забайкалья.

В. Г. ЧИРСКОВ. Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

И. С. БЕЛОУСОВ. Министр судостроительной промышленности СССР.

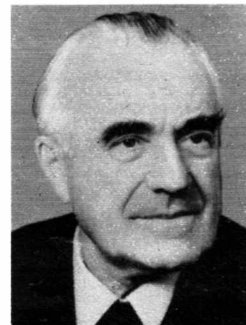
А. И. МАЙОРЕЦ. Министр электротехнической промышленности СССР.

В. М. ВЕЛИЧКО. Министр энергетического машиностроения СССР.

В. В. ФЕДОРЧУК. Министр внутренних дел СССР.

В. П. ЕЛЮТИН. Министр высшего и среднего специального образования СССР.

Е. А. КОЗЛОВСКИЙ. Министр геологии СССР.

Г. С. ЗОЛОТУХИН. Министр заготовок СССР.

Е. И. СИЗЕНКО. Министр мясной и молочной промышленности СССР.

В. С. ФЕДОРОВ. Министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

В. П. ЛЕИН. Министр пищевой промышленности СССР.

Н. Т. КОЗЛОВ. Министр плодоовощного хозяйства СССР.

Ю. Ф. СОЛОВЬЕВ. Министр промышленного строительства СССР.

А. И. ЯШИН. Министр промышленности строительных материалов СССР.

—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

О. Д. БАКЛАНОВ. Министр общего машиностроения СССР.

А. Г. ПЕТРИЩЕВ. Министр по производству минеральных удобрений СССР.

М. С. ШКАБАРДНЯ. Министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР.

Э. К. ПЕРВЫШИН. Министр промышленности средств связи СССР.

Н. С. КОНАРЕВ. Министр путей сообщения СССР.

П. С. ПЛЕШАКОВ. Министр радиопромышленности СССР.

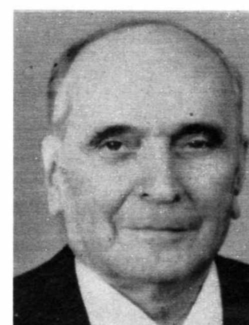

А. А. ЕЖЕВСКИЙ. Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

И. Д. СОСНОВ. Министр транспортного строительства СССР.

С. А. АФАНАСЬЕВ. Министр тяжелого и транспортного машиностроения СССР.

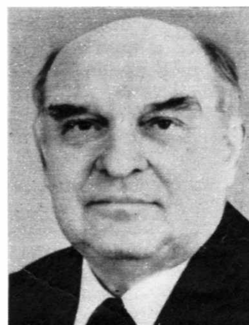

К. И. БРЕХОВ. Министр химического и нефтяного машиностроения СССР.

В. В. ЛИСТОВ. Министр химической промышленности СССР.

А. И. ШОКИН. Министр электронной промышленности СССР.

С. П. БУРЕНКОВ. Министр здравоохранения СССР.

П. Н. ДЕМИЧЕВ. Министр культуры СССР.

Н. Н. ТАРАСОВ. Министр легкой промышленности СССР.

М. И. БУСЫГИН. Министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВ. Министр мелиорации и водного хозяйства СССР.

Б. В. БАКИН. Министр монтажных и специальных строительных работ СССР.

М. А. ПРОКОФЬЕВ. Министр просвещения СССР.

В. М. КАМЕНЦЕВ. Министр рыбного хозяйства СССР.

В. А. ШАМШИН. Министр связи СССР.

В. Д. ДАНИЛЕНКО. Министр сельского строительства СССР.

В. К. МЕСЯЦ. Министр сельского хозяйства СССР.

Г. А. КАРАВАЕВ. Министр строительства СССР.

См. стр. 26.

УРА! Я ТОКАРЬ...

Вчера я выточил самую сложную деталь, какую до сих пор мне сделать не удавалось. Токарь-наладчик высшего класса, мой бывший наставник Алик Пазилов сказал:

— Наверное, на тебя весна так действует, растешь, брат, прямо на глазах, токарем стал настоящим...

Может, и вправду весна? Первая в моей жизни рабочая весна. Еще вчера я был школьником, дрожал на вступительных экзаменах в институт, но не прошел по конкурсу. Еще неизвестно, каким бы я стал экономистом, а вот рабочим стал настоящим. Это не я сказал... Ура! Я токарь, и это звучит гордо. Могу вытачивать самые разные детали и знаю, что они нужны для умных и сложных машин. И никто не скажет, что занимаюсь я мелочами, хотя слово «деталь» в переводе с французского как раз и означает мелочь. Зато многие из моих сверстников тоже могут похвалиться умением делать такие вот «мелочи».

Спасибо тебе, весна. Ты одарила меня чувством самостоятельности, чувством уверенности в себе, я понял, что я что-то значу в этом мире, что моя работа важна и нужна людям. Вот комсоргом смены меня избрали. Значит, надеются на меня, и я должен эти надежды оправдать.

Мухамеджан **АБДИБЕКОВ**,
токарь завода «Поршень»

Алма-Ата.

ИМЕННОЕ ПОЛЕ

Весна пришла. Начинаются полевые работы. И все чаще выходит за околицу Николай Иванович Куликов. Идет к одному полю. К своему — полю его имени! Да, есть такие именные поля в совхозе «Майский», Пестравского района, Куйбышевской области. Николай Иванович Куликов местный, он ветеран партии, много лет проработал в совхозе «Майский» механизатором. Человек здесь известный и уважаемый. Даже будучи пенсионером, по мере сил помогает хозяйству. А во время минувшей жатвы нередко работал в поле как наставник комсомольско-молодежного звена.

Есть в совхозе поле имени В. А. Уланова. Виктор Алексеевич — почетный гражданин Пестравского района, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции, опытный хлебороб. Он работает управляющим отделения № 1, в его севообороте и находится заветное поле.

Вот что рассказал первый секретарь райкома партии Евгений Борисович Фомин:

— Имена полям высокой культуры земледелия присвоены по предложению наших ветеранов войны и труда. Думаю, что хлеборобы, работающие на полях имени Героя Советского Союза Н. М. Пенькова, имени Героев Социалистического Труда А. У. Сычева, Н. И. Куликова, С. М. Старостина, поднимут плодородие, сделают их лучшими полями в районе.

Э. **АНАШКИН**,
корреспондент газеты «Степная коммуна»

Куйбышевская область.

Непоколебимое единство партии и народа, верность заветам великого Ленина — залог всех наших побед!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая.

ИМЕНЕМ ВОЖДЯ

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Каждый год в конце апреля все прогрессивное человечество земли отмечает день рождения В. И. Ленина. На этот раз 114-я годовщина со дня рождения вождя мирового пролетариата совпадает с еще одной датой — шестидесятилетием переименования Симбирска в Ульяновск.

В уютном читальном зале Дворца книги, носящего имя В. И. Ленина, бережно листаю газетную подшивку шестидесятилетней давности. Ломкие, стертые на сгибах страницы, выцветшие клише... И вот он, наконец, исторический номер «Пролетарского пути» за 11 мая 1924 года. На первой полосе крупными буквами набрано: «Нет Симбирска! Есть Ульянов! Осиновый кол в дворянский Симбирск! Да здравствует родина Ильича!»

Хорошо представляю себе душевное состояние метранпажа. Судя по тому, что восклицательных знаков он не жалел, настроение в редакции было ликующее.

Читаем газету дальше:

«Москва. Президиум ЦИК СССР переименовал Симбирск — родину Ленина — в город Ульянов, Симбирскую губернию — в Ульяновскую».

Спешил метранпаж, равно как и редактор газеты, обрадовать этой вестью своих земляков. Ибо не было еще у них на редакционном столе официального документа, подтверждающего это событие.

— В ту пору мне было двадцать два года,— вспоминает ныне далекое время Григорий Нилович Федоров, член партии с 1925 года, старожил Ульяновска.— Не припомню, конечно, в деталях день, о котором писала губернская наша газета «Пролетарский путь», но с достоверностью очевидца могу сказать, что все мы радовались этому событию и как могли приближали его своим трудом...

Долгое время было неясно, отчего в уже упомянутой заметке на «древках» восклицательных знаков «развевалось» «Есть Ульянов!», а не Ульяновск. Г. Федоров, не долго думая, поехал в Москву, пробился сквозь толщу архивных «торосов» и докопался-таки до истины. Выяснилась любопытная вещь. Узнав, видимо, по радио, что есть сообщение о переименовании Симбирска в Ульяновск, эмоциональный метранпаж, не дожидаясь официального подтверждения, по-своему отреагировал на событие и указал новое название Симбирска не совсем точно.

— А с чего все начиналось? — спрашиваю я Григория Ниловича.

— Несколько раз ставили симбирцы вопрос о переименовании города,— рассказывает ветеран.— Наконец 28 января 1924 года, после похорон Ленина, Симбирский губисполком принимает ходатайство перед ВЦИК, в котором, в частности, говорилось: «Как скромное выражение чувства преданности заветам великого вождя, трудящиеся губернии выразили непреклонное желание поставить ему памятник — и вновь подтверждают ходатайство о переименовании Симбирска, где родился и жил Владимир Ильич, в город Ленинск — как незабвенную память великому поборнику рабочего движения».

Григорий Нилович достает папку с копиями документов, которые привез из Москвы, и, перелистывая их, продолжает:

— Ходатайство симбирцев было рассмотрено. Президиум ЦИК Союза ССР принципиально согласился на переименование, однако поручил секретарю ЦИК согласовать вопрос о будущем названии города, заметив, что более удобным было бы название «Ульяновск». Пленум Симбирского губисполкома, проходивший в марте 1924 года под председательством Константина Григорьевича Хахарева, одобрил это название, что и было утверждено Президиумом ЦИК Союза ССР 9 мая 1924 года. И с этого дня город Симбирск стал именоваться Ульяновском, а Симбирская губерния — Ульяновской. А по ленинскому призыву в партию большевиков к середине мая 1924 года по всей губернии было принято 800 человек... Да, кстати, жив и здравствует еще один очевидец тех событий. Сын Хахарева. Поговорите с ним, расспросите...

У Николая Константиновича Хахарева белая как лунь голова, торопливые движения человека, не привыкшего сидеть на месте.

— С тех дней помыслы отца были направлены на увековечение в Ульяновске памяти Ленина, а также борцов революции. Под его председательством 14-й губернский съезд Советов 5 апреля 1925 года принял решение: считать одной из основных форм увековечения памяти товарища Ленина в губернии — сохранение дома семьи Ульяновых в Ульяновске и полную его реставрацию. Потом были начаты работы по сооружению памятника на могилах борцов революции на Новом Венце...

— Сегодня наш город стал одним из самых красивых и будет еще краше,— говорит первый секретарь Ульяновского областного комитета партии Геннадий Васильевич Колбин.

— Нет нужды лишний раз повторять, каких огромных успехов добились жители Ульяновска за годы Советской власти,— говорит первый секретарь.— Достаточно сказать, что за шестьдесят лет население города увеличилось в семь раз, перевалив за полмиллиона жителей, а жилой фонд, вводимый в строй ежегодно, превышает весь жилой фонд города в пору его переименования. И еще две цифры, которые зримо показывают, какого прогресса добился социалистический строй здесь, на Волге. Объем промышленного производства в области за шестьдесят лет возрос более чем в 150 (!) раз. А ее продукция сегодня пользуется заслуженным спросом и уважением в семидесяти странах мира.

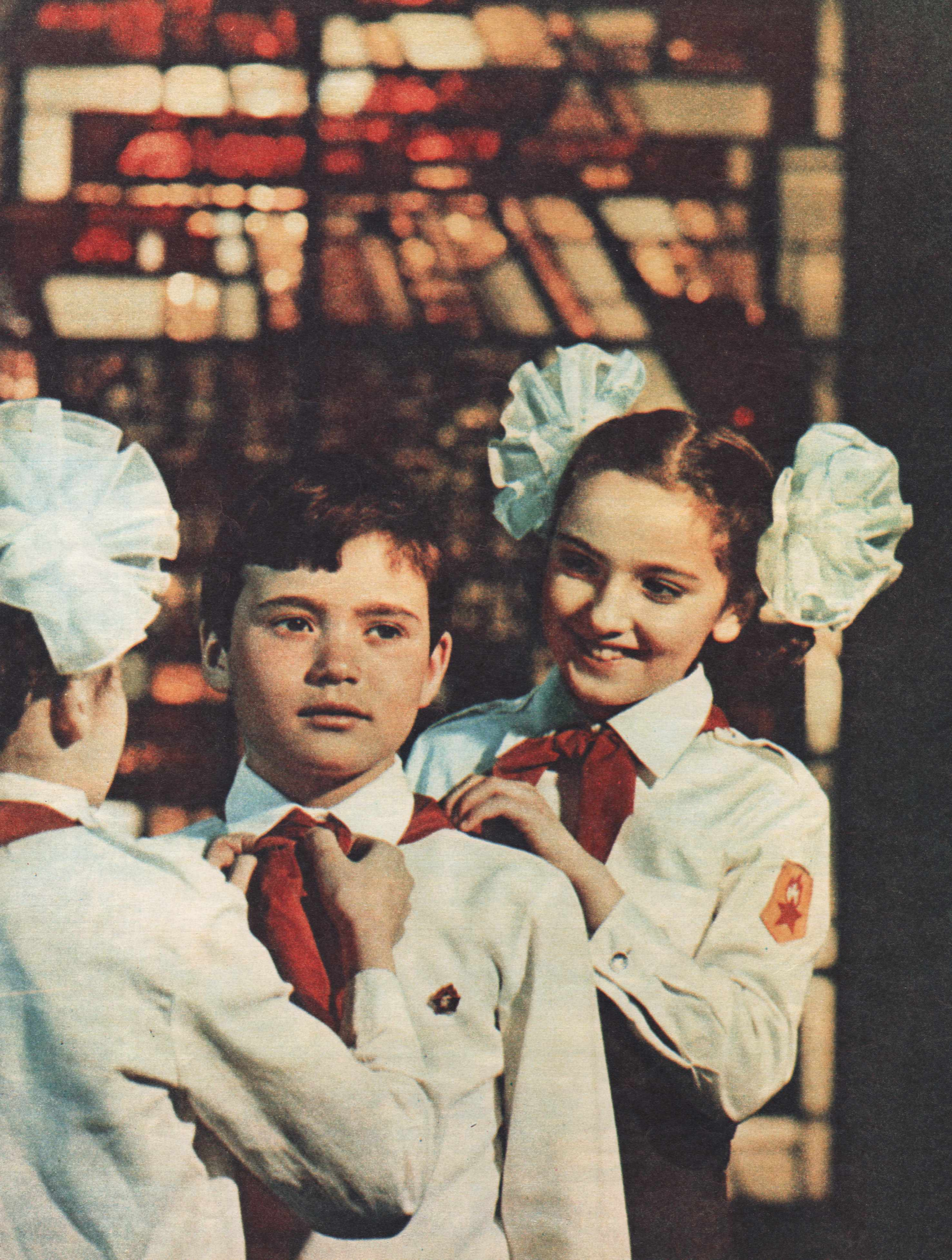
За успешное выполнение Государственного плана экономического и социального развития за 1983 год Ульяновск признан победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании и награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Заглядывая в завтрашний день, ульяновцы намечают превратить все заводы и фабрики области в образцовые в техническом оснащении, избавиться от отстающих предприятий. Уже намечен план по облагораживанию города и превращению его в город образцового порядка и высокой культуры.

...В неоглядную даль убегает зеленоватая волна великой русской реки. На ее крутом берегу высится город, чье имя благодарные потомки пронесут через века.

●

Скульптурная группа возле дома, где жила семья Ульяновых,— Володя Ульянов с матерью Марией Александровной. Бронза. Работа скульптора П. И. Бондаренко * Диорама «Симбирск — родина Ленина». Автор народный художник СССР Е. И. Дешалыт * В большом зале Ленинского мемориала звучит музыка в исполнении Ульяновского государственного симфонического оркестра.

50 лет назад ЦИК СССР установил звание, знаменующее высшую степень мужества и отваги,— звание Героя Советского Союза. Первыми Героями стали семь летчиков, отличившихся в труднейшей операции по спасению челюскинцев. В годы Великой Отечественной войны оно было присвоено тысячам бойцов, офицеров и военачальников. Трижды Героями Советского Союза стали прославленные асы А. Покрышкин и И. Кожедуб, четырежды — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Всего этого звания были удостоены свыше чем 12 с половиной тысяч граждан Советского Союза.

Среди них и Урунбай Абдуллаев — герой нашего очерка.

Вячеслав **КОСТЫРЯ**

«Здесь, на высоте 144...»

Убитый, похороненный, и... живой! Рядовой земледелец из Каракалпакии и... национальный герой Латвии!

Поистине удивительна судьба этого человека. В бережно хранящемся им документе засвидетельствовано: «Товарищу Абдуллаеву Урунбаю. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 марта 1945 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза». И дата: 19 января 1961 года.

Нетрудно заметить: почти шестнадцать лет награда искала героя!.. А не пытался ли найти ее он сам?

Скажи Урунбай в ответ «искал» — нормальное дело. Только не искал он, нет: не знал Абдуллаев, что ему присвоено звание Героя. Хотя сам командир действовавшей в Прибалтике 219-й Идрицкой стрелковой дивизии, напутствуя отделение храбрецов с заданием взять в тылу врага высоту 144 у деревни Сунуплява, сказал, что обеспечение ими корректировки артиллерийского огня по отступающему противнику гарантирует представление каждого к самой высокой награде. А уж корректировка получилась такая, что вместо контрудара из района соседнего населенного пункта Рундени фашисты вынуждены были без передышки катиться дальше на запад, к границам Восточной Пруссии...

По-житейски понятным было бы ответное «не искал», ведь настоящих героев обычно отличает скромность...

Но Урунбай сказал совсем неожиданное:

— Скрывать пришлось... Скрывать, что я один из десяти, удерживавших эту высоту двое суток. Поняв причину меткости артогня, гитлеровцы отрядили против нас не менее батальона.

— От кого же пришлось скрывать?

— Сначала от врага, от фашистов, подобравших меня полуживого, контуженного взрывом снаряда, залитого кровью после двух ранений... При сортировке раненых меня, само собой, переправили в концлагерь... Когда начал приходить в себя, услышал, как русская девушка, лагерная санитарка, шепчет над ухом: «Если ты из-под Сунуплявы, смотри не проговорись»...

— Вы сказали, «сначала от врага»... А потом, после освобождения из концлагеря?

— Потом тоже пришлось скрывать... Скрывать от тех наших, кто знал войну понаслышке, а судилрядил о ней лихо!.. Один молодой, не воевавший так прямо и сказал: «Почему не выстрелил себе в висок, когда в плен брали?!» Промолчал я, а про себя подумал: «Если б мог выстрелить, то зачем себе в висок! Надо в лоб тому, кто в плен берет!» Известно: языком болтать — только новую беду накликать... Скажи такому, что ты, может, отмечен наградой,— мигом рапорт сочинит с требованием: лишить!.. Нет уж, лучше совсем без награды остаться, чем позор принимать,— почти по-детски вдруг рассмеялся Урунбай и так же вдруг посерьезнел: — Я верил, как все мы на фронте в Победу верили, что настанет мой достойный час!.. Только через пятнадцать лет решился отправить письмо-запрос в Президиум Верховного Совета СССР.

Урунбай Абдуллаев. Фото В. Сваричевского

Ответ из Москвы, по существу, был для Урунбая Абдуллаева воскрешением из небытия. В наградном листе на него, датированном 30 июля 1944 года и подписанном полковником Коваленко, значится: «Убит 19 июля 1944 года». Так и думали о нем все, кто знал отважного бойца. На граните памятника, воздвигнутого в Сунупляве на месте боя, высечено:

«Здесь, на высоте 144, совершили свой героический подвиг в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками: Ахметгалин Х. Р., Сыроежкин П. К., Шкураков М. Е., Ашмаров Ф. И., Тайгараев Т., Чернов М. С., Шакуров Я. С., Уразов Ч., Абдуллаев У., Андронов В.».

Лишь одному из них, Абдуллаеву У., посчастливилось вновь стоять (впервые — в дни празднования Дня Победы 1962 года, а затем многократно) на этой земле живым. Словно бы сама судьба распорядилась так, чтобы из рассказа Урунбая потомки увидели героев в труднейшем и все же победном бою за этот, ставший священным клочок латвийской земли. Защищая его, они защищали свою великую многонациональную Советскую Родину. И в этом — исток их богатырской мощи!

Слушая Урунбая, записывая подробности, я думал о том, что как раз эта идея и придала величественность памятнику десяти богатырям в латвийском городке Лудзе, куда были перенесены останки защитников высоты 144.

...Спокойно и негромко роняет Урунбай слова, и, слушая его, представляешь, как ухает снарядами, воет минами, стрекочет автоматными очередями земной ад памятного боя. Численное соотношение сил: один к сорока. Об этом говорит как-то сухо, без эмоций. А о национальном составе обороняющихся — даже с веселой улыбкой, дескать, подобрался целый интернационал! Сами посудите: командир, старший сержант Ханим Ахметгалин — башкир, его правая рука, сержант Петр Сыроежкин — украинец, ефрейтор Чутак Уразов — таджик, рядовые Василий Андронов и Михаил Шкураков — русские, рядовой Тукубай Тайгараев — киргиз, рядовые Федор Ашмаров и Матвей Чернов — чуваши, рядовой Яков Шакуров — татарин.

— Ну, и я, конечно, рядовой, каракалпак, из Узбекистана,— улыбается Урунбай, добавляя:— Это я уж в один из своих «мирных» приездов в Сунупляву узнал, кто какой национальности был... И то с помощью моего друга, грузина Хмелидзе, кстати, проживающего в Латвии... А тогда, в войну,— словно смахивает с лица веселость Урунбай,— при отборе на задание «первыми пунктами» были смелость да умелость. Вот командир наш, Ахметгалин, например, до этого боя был уже кавалером ордена Славы, почти двадцать раз переплывал Дон с заданиями командования... Смертельно раненный осколком мины в конце первого дня обороны, он успел сказать главное: «Держитесь, братцы, скоро придут наши...» Или Михаил Шкураков, настоящий русский витязь, раненный в обе ноги, он нашел в себе силы подняться и стрелять в окружавших его фашистов до последнего вздоха. Не отступил ни на шаг и занявший боевую позицию в крестьянском сарае Чутак Уразов, сгорел вместе с ним. На следующий день от пули фашистского снайпера погиб отважнейший Матвей Чернов, затем осколок мины сразил самого бывалого из нас Федора Ашмарова, в юности конармейца-буденновца... Фашисты наседали, несколько десятков их пошли на штурм высоты со стороны Сунуплявского озера, но путь им преградил Тукубай Тайгараев. Когда патроны кончились, он, раненный, спрятав за спину гранату, двинулся навстречу атакующим, и, уничтожив взрывом нескольких врагов, погиб сам... Ну, а как дальше было, хорошо известно военкому нашего целинного Элликкалинского района,— вдруг пригласительным жестом передал слово Урунбай Абдуллаев присутствовавшему при нашей беседе майору Маркину, добавив: — Александр Сергеевич читал архивные документы, знаком с рассказом Василия Андронова, выжившего тогда, как и я... Андронов был четыре раза ранен в первый день боя, не мог двигаться, мы замаскировали место, где он лежал, после отступления немцев его нашли наши санитары... Умер Андронов через девять лет на своей родине, в Московской области.

— Бой на высоте 144 завершался так,— продолжает рассказ майор Маркин.— Кроме недвижимого Андронова, оставалось в живых трое. Патроны на исходе. Под прикрытием коротких автоматных очередей Петра Сыроежкина Урунбай Абдуллаев и Яков Шакуров совершают вылазки, раздобывая патроны и оружие у убитых фашистов. В последнюю минуту взрыв вражеского снаряда насмерть сразил Якова Шакурова и тяжело контузил Урунбая Абдуллаева — полузасыпанный землей, без сознания он лежал на склоне. До последнего патрона удерживал высоту последний ее защитник сержант Петр Сыроежкин.

— Когда мы в тот раз полезли за боеприпасами, у сержанта Сыроежкина оставалось три патрона и одна граната,— сдержанно уточнил Урунбай.

Абдуллаев добр, улыбчив, привычно нетерпелив, даже горяч, когда приходят домашние или колхозные хлопоты — покупка, скажем, колыбельки для очередного внука или подготовка семян хлопчатника к севу. А вот рассказ о своем подвиге слушал со спокойным достоинством, будто военком Маркин говорил не о нем. Правда, по-молодецки кашлянул, тронув рукой усы, когда уже в доме Абдуллаевых, за дастарханом, майор сообщил:

— Недавно еще одна награда отыскала Урунбая-ата, медаль «За отвагу»! Он не раз отличался в боях до того, как был «убит 19 июля 1944 года»...

...А Урунбай-ата, отвлекаемый внуками, угощал их лакомствами и, казалось, лишь из уважения к гостям слушал знакомые строки из наградного листа.

И сколько же раз приходилось Урунбаю начинать все заново — чуть ли не рождаться, а затем крепнуть, становиться на ноги. Урунбай не скрывает, что самые счастливые периоды в его жизни те, когда он участвовал в согласном труде множества умелых и сильных, когда души самых разных людей сливаются воедино, а сказанное даже на незнакомом языке понятно всем. Бывало это и на войне и в колхозе имени XXI партсъезда, а теперь вот имени 60-летия Октября в целинном Элликкалинском районе родной Каракалпакии.

Здесь, на хлопковом поле, познакомился он в далеком 1955 году со своей женой Урунгуль. Вот ведь какую символику жизнь подкидывает: Урунгуль означает «Цветок Уруна», а Урун — это ласкательное имя от полного Урунбай!..

— Нас приняли в пионеры в Мемориальном зале! — справа налево: Лена Кошелева и Федя Абрамов, ученики средней школы № 1 имени В. И. Ленина города Ульяновска.

ЧИТАЯ ПИСЬМА ВЕТЕРАНОВ

Время отдавать долги

А. СОФРОНОВ

Ветераны... Товарищи мои боевые... Сколько видел я вас в годы войны на опаленной родной земле как корреспондент армейской газеты «К победе» и центральных газет, в эскадронах селивановского кавалерийского корпуса, в партизанских лесах Брянщины, в авиаполках, в прифронтовых землянках и в окопах...

Мы были тогда молоды, мы били фашистов и защищали мир, ощущая себя хозяевами истории и будущего. Мы жили в твердом убеждении, что время работает на нас, но как-то не задумывались о том, что, даря нам счастье вернуться с победой, трудиться, любить, преодолевать испытания, словом, жить по чести, оно, это время, забирало у нас годы, силы, настигало смертельным эхом войны, ставило последнюю точку в биографии.

Каждый год все трудней и опасней,
И почти уже нет никого...
Воскрешение памяти — праздник,
Я сегодня отмечу его.

И как писатель и как главный редактор журнала «Огонек» я с особым вниманием, с особенно трепетным чувством отношусь к письмам ветеранов войны. Таких писем много. И что особенно радует — люди нашего поколения по-прежнему в строю. Несмотря на возраст и недуги, они не утратили главного — душевного здоровья, гражданской активности и ответственности за все, что было, есть и будет на нашей дорогой земле, за дело мира во всем мире. Чувство сопричастности к важнейшим политическим, экономическим, нравственным проблемам нашей жизни слито с желанием помочь стране своим боевым и трудовым опытом, жизненной мудростью, партийной и гражданской закалкой. И каждое из писем по-своему свидетельствует об этом. Участника Великой Отечественной войны, ветерана труда, отца пятерых детей Виктора Николаевича Струихина больше всего беспокоит ядерная угроза миру, всему живому на земле, варварская политика президента США Рейгана. И он считает себя вправе призвать его к здравому смыслу.

«Неужели,— спрашивает Виктор Николаевич американского президента,— вам так хочется оставить после себя разрушенные города, сожженные сады и леса, отравленные реки и моря, стертые с лица земли великие творения человеческих рук в разных уголках земли?» К голосу старого бойца присоединяются все советские ветераны войны, которых одинаково заботит неприкосновенность не только Московского Кремля, но и венгерской Буды, и немецкого Дрездена, каналов Венеции, индийского храма Тадж-Махал.

Пусть я воочию не видел этих сокровищ, но я радуюсь за тех, кто видел, и хочу, чтобы все это осталось в наследство детям нашей планеты. Это и будет наш добрый след. Так не пытайтесь же, Рональд Рейган, засыпать его кучей радиоактивного пепла. Не позволим!» — говорит советский человек.

Народ без исторической памяти слеп. Только прошлое помогает осмыслить настоящее и вынести урок для будущего. Вот почему с особым интересом читаешь сегодня воспоминания ветеранов о минувших сражениях, о своих однополчанах. И пусть далеко не все они завершены литературно, но все равно их значение велико. И записки бывшего комиссара партизанского отряда, коммуниста с тридцатого года Николая Ивановича Горбунова, и очерк о герое гражданской войны И. А. Андрееве, написанный полковником в отставке товарищем М. М. Ещенко, и мысли инвалида войны товарища И. Я. Красникова о военно-патриотическом воспитании молодежи — все это бесценные страницы своего рода коллективной исповеди поколения, черточки, из которых складывается его неповторимый, незабываемый портрет.

Пожалуй, трудно найти такую сферу нашей жизни, которую не принимали бы близко к сердцу люди старшего поколения. Прежде всего это хозяйский подход к делу: вопросы повышения качества продукции, чести рабочей марки — об этом письмо Степана Павловича Коваленко из Бердянска. Представляют интерес соображения Е. С. Машукова из Балашихи о том, как усовершенствовать оплату проезда на общественном транспорте.

Очень часто отклики на то или иное выступление журнала, присланные ветеранами, перерастают в острые, деловые, полезные размышления, имеющие самостоятельное значение.

Так, например, прочитав опубликованную в «Огоньке» беседу «Честное слово» с академиком Федором Григорьевичем Угловым, ветеран партии, персональный пенсионер К. Гвоздев поделился с нами своими мыслями об «узких местах» в воспитании рабочей чести, в развитии движения за коммунистический труд.

«...Нельзя не сказать и о том,— пишет К. Гвоздев,— что сейчас почти не встретишь людей, которые открыто и с гордостью носили бы знак ударника коммунистического труда. Ведь как нередко бывает? На работе человек ударник, а по месту жительства товарищеский суд разбирает его недостойное поведение. Когда же сообщают об этом на работу, администрация, как правило, отмалчивается, вместо того чтобы сделать эти факты достоянием рабочего коллектива, строго взыскать с человека, запятнавшего почетное звание.

Я был председателем месткома профсоюза, когда движение за коммунистический труд только зарождалось, и помню, сколь велики были требования к тем, кто удостоивался звания ударника. Высокие производственные показатели — это была только само собой разумеющаяся часть дела. Особую важность приобретало общественно-политическое лицо человека, его нравственный облик, постоянная, а не эпизодическая активность. И не было нужды тогда ежегодно... «пересматривать» многотысячные списки ударников, как это делается порой ныне для того, чтобы «подтвердить» звание чохом всем. При подведении итогов социалистического соревнования рассматривались лишь те, кто по той или иной причине не оправдал доверия и лишался чести быть ударником. Из более чем шестисот рабочих, ИТР и служащих нашего предприятия первыми ударниками стали всего восемь человек».

Комментарии, как говорится, излишни. Я согласен с товарищем Гвоздевым. Только в обстановке честного, ответственного отношения к такому важному делу, как движение за коммунистический труд, полного искоренения формализма и очковтирательства могут наглядно проявиться дух товарищества, сила взаимопомощи, идейно-нравственное влияние высокоорганизованного коллектива на человека. Именно так ставит сегодня вопрос наша партия. И тут принципиальность товарища Гвоздева, его жизненный опыт и знание проблемы оказывают нам большую помощь. Конечно, мы напечатали это письмо в своем журнале. Опубликовали и другие подобные письма с советами, предложениями, критикой, авторы которых по праву являются «золотым фондом» нашей страны.

Но теперь мне хотелось бы перейти к менее мажорной части моих размышлений. Всегда ли мы достойно, по-хозяйски, благодарно ценим этот «золотой фонд»? Да, партия и правительство закрепили за инвалидами и ветеранами войны заслуженное ими преимущественное право на некоторые житейские блага. Число людей, обладающих этими правами, мало того, что невелико по сравнению с более молодыми, здоровыми, преуспевающими, оно к тому же неумолимо тает, как снег на весеннем солнце. И все-таки находятся «энергичные», крепкорукие, твердоплечие люди без сердца и совести, имеются некоторые руководители учреждений, предприятий, ведомств, которые ущемляют права и интересы тех, кому они обязаны жизнью и процветанием.

И вот, глядишь,— там органы социального обеспечения затеяли волокиту с выдачей инвалиду войны необходимых документов, там отмахнулись от него врачи, там исполком отказал в топливе или благоустройстве. А бывает и так, что скромный, «непробивной» фронтовик годами кочует из одного списка на улучшение жилья в другой с молчаливого согласия тех, кто призван защищать его интересы, соблюдать законность.

И люди берутся за перо. Читая эти горестные строки, нередко испытываешь смешанное чувство гнева и недоумения. До каких же пор это будет продолжаться? Неужели нужен еще один специальный закон об ответственности за нанесение, к примеру, инвалиду войны душевной травмы? За равнодушие к его заботам? А если бы он в свое время проявил подобное чувство? Вот передо мной письмо инвалида первой группы Юрия Викторовича Крючкова из Астрахани. На фронте он потерял кисти обеих рук, и для него протезы — жизненная необ-

ходимость. Как же относятся к нему на Астраханском протезно-ортопедическом предприятии?

«Теряют личное дело. На протяжении пяти-шести лет ищут. его каждый раз по тридцать — сорок минут. Заказ принимают на одно изделие, а делают другое или брак. Нарушаются сроки изготовления».

Пришлось обратиться и на предприятие, и в Республиканское промышленное протезно-ортопедическое объединение. Сейчас протезы Юрию Викторовичу изготовлены, а Роспротезпром сообщил, что направляет в Астрахань комиссию по проверке работы предприятия. Но разве подобное отношение к инвалиду единичный случай?

Из города Райчихинска Амурской области обращается жена инвалида войны Федора Михайловича Зоркальцева с жалобой на невнимание врачей, противоречивость диагнозов, которые ему ставятся, отказ в госпитализации.

В ответе заведующего райчихинским горздравотделом сообщается, что наконец Федор Михайлович помещен в больницу, а для разбора жалобы о неквалифицированном его лечении создана авторитетная комиссия. Ну, а кто же извинится перед ветераном за бездушие, нарушение врачебной этики? Ведь оно, это бездушие, ранит старого, слабого здоровьем и нервами человека порой страшнее и опаснее, чем когда-то вражеская пуля.

Каждый, повторяю, каждый инвалид войны — это наша общая боль. Наш долг перед ними неоплатен. И нас совершенно не удовлетворяет ответ Трускавецкого горисполкома за подписью его председателя Б. Д. Петровского, что «в отношении устройства в гостиницах города удовлетворить всех желающих, и в первую очередь инвалидов Великой Отечественной войны, нет возможности».

Я не ставлю вопроса о «всех желающих». Допускаю, что их очень много, но они могут подождать. Я выступаю за тех, кто имеет не мифическое, а кровью завоеванное право на место в гостинице или благоустроенное временное жилье в любом курортном городе. Одновременно Б. Д. Петровский сообщил, что «...администрация центральной курортной поликлиники, где в основном лечатся по курсовкам инвалиды войны, не давала распоряжения сотрудникам гардероба не принимать (!) головных уборов, а если такие случаи имели место, то только по вине гардеробщиц, с которыми проведена беседа и дано распоряжение вместе с одеждой принимать и головные уборы». В высшей степени «радостное» сообщение. Наконец-то ветераны, сидя в очереди на прием к врачу, не будут, как напроказившие школьники, мять в волнении свои шапки и кепки. Не сказать ли большое спасибо сотрудникам гардероба, что они все-таки пошли навстречу?! Странно только, что до письма из «Огонька» никому из руководителей и врачей поликлиники не бросилась в глаза эта оскорбляющая достоинство людей «деталь».

И еще одна категория писем очень волнует, не дает покоя. Это от тех фронтовиков, кто и сегодня, почти через сорок лет после Победы, по тем или иным причинам нуждается в улучшении жилищных условий. Поражаешься, как можно было допустить, чтобы ветеран войны В. Д. Долгов с женой и матерью до сих пор ютился в крошечной аварийной комнатушке. Первый заместитель председателя исполкома Одесского горсовета К. М. Красников сообщил, что «Гр. Долгову В. Д. жилая площадь будет предоставлена по месту квартирного учета в порядке указанной очередности». Что ж, учитывая, что В. Д. Долгов седьмой в списке лиц, пользующихся первоочередным правом на жилье, я надеюсь, что в нынешнем году ветеран справит новоселье.

Мы не сдаем в архив ответы-обещания, строго контролируем их выполнение.

Алма-Атинский горком Компартии Казахстана заверил нас, что будет обеспечен, учитывая льготы, благоустроенной квартирой участник войны А. А. Моисеенко. Секретарь Сырдарьинского обкома Коммунистической партии Узбекистана пишет, что Янгиерский горисполком принял в льготную очередь на жилье фронтовика А. М. Артамонова. Мы рады, когда заботы ветеранов находят быстрый и деловой отклик в руководящих органах районов и городов, областей и республик. Важно только, чтобы письменное слово не расходилось с делом, чтобы каждый руководитель, подписавший письмо-обещание, проникся бы словами, сказанными на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищем Константином Устиновичем Черненко: «Велика сила нравственного примера коммуниста, особенно коммуниста-руководителя. Он всегда на виду у масс, и чем выше пост занимает, тем большая ответственность ложится на него». Очень важно, чтобы жизнь ветерана, его здоровье, его покой, его нередко подвижнический труд и скромный гражданский подвиг тоже находились в сфере этой ответственности. И снова идет письмо из «Огонька». Теперь уже в Минск. Приходится убедительно просить Минский горисполком помочь инвалиду первой группы, лишенному зрения М. И. Виленскому разрешить прописать в его кооперативную квартиру родную внучку, ухаживающую за одиноким стариком.

Дорогие товарищи из Минского горисполкома! Да неужто не в силах вы прекратить эту бюрократическую канитель и скрасить вашему земляку-ветерану недолгий оставшийся срок жизни радостным сознанием того, что он еще что-то может оставить юному родному человеку, кроме того, что он отдал всем нам! Надеюсь, что мои слова дойдут до вас, напомнят вам о нашем общем долге перед теми фронтовиками, которые нуждаются сегодня в помощи.

Пора, пора все отдавать долги,
Не уносить их в дальний путь с собою...
Гремят в годах солдатские шаги,
И ты готовишься, как и бывало, к бою.

Георгий РОЗОВ, фото автора

плюс один процент

ПАРАДОКСЫ ДИРЕКТОРА

— Не будем лукавить,— говорил директор завода «Лиепайсельмаш» Илмар Андреевич Чиркшис.— Идеальных людей мало. Наши достоинства перемешаны с недостатками, и с этим приходится считаться. Да?

Это «да?» очень характерно для речи директора. Интонационно оно совпадает с вопросительным «не так ли?». Затем следуют пауза, внимательный, быстрый взгляд на собеседника: согласен ли, не хочет ли возразить? Если не собирается, то директор продолжает:

— Когда завод переходит на новую продукцию, а новые нормы еще не определены, то некоторые рабочие начинают намеренно сдерживать себя, работать медленней, чем могли бы. Потом, когда нормы будут утверждены, они рассчитывают зарабатывать побольше с меньшим напряжением. Это нехорошо. Да? Но такова реальность, и кое-кто так и мыслит. Только не Марковский. Вспоминаю — в семьдесят восьмом году завод переходил на производство нового навесного погрузчика. Ко мне пришел Марковский с жалобой. В соседнем цехе он нашел заброшенный за ненадобностью редуктор и хотел унести его в свой цех. Начальник не дал. А Марковский задумал построить сварочный полуавтомат, и без редуктора его конструкция не стала бы работать. Я ему помог. Через несколько дней он объявил, что выдвигает встречный план и берется делать три нормы в смену. В подобной ситуации рабочий имеет право получать оплату по прежней норме в течение полугода. И Марковский, заменив своим полуавтоматом сразу трех сварщиков, эти самые полгода зарабатывал втрое больше, чем хитрецы, которые тянули резину в ожидании новых расценок. А потом он снова пришел ко мне и попросил выделить ему автомашину. Мы дали. Он ее честно заработал. Не так ли?

Сейчас Мервалдис Марковский работает на другой операции — варит гильзу гидроцилиндра. Рядом с его новым полуавтоматом стоит еще один, точно повторивший оригинал. Идея рационализатора подхвачена товарищами по цеху.

Завод, на котором работает Марковский, из разряда ветеранов. Некоторые его цехи построены сто лет назад. Здесь выпускали разные виды продукции, но долгое время предприятие обслуживало нужды Лиепайского порта, а в пятидесятых годах перешло на производство сельскохозяйственных машин: сноповязалки, конные косилки, навесные погрузчики. Сегодня в тех же старинных цехах «Лиепайсельмаш» ухитрился разместить оборудование для производства шестнадцати с половиной тысяч в год самых экономичных в нашей стране фронтально-перекидных погрузчиков ПФП-1,2. Кстати, эта машина грузит за один час сто двадцать тонн песка, гравия, удобрений и других сыпучих материалов, может превращаться в бульдозер, а стоит всего-то восемьсот двадцать рублей. Неудивительно, что на селе ее с руками отрывают. Под теми же старинными крышами делают еще и триста тысяч тормозных и поршневых гидроцилиндров, без которых трудно представить какую-либо сельскохозяйственную машину. Восемьдесят процентов продукции завода аттестовано высшей категорией качества, а гидроцилиндры продаются и в развивающиеся страны и в страны СЭВ, а также в Канаду, Англию, Францию и Швецию.

Вся продукция разработана заводским конструкторским бюро. Технологи совершили на заводе маленькое чудо — лишь семнадцать процентов металла здесь идет в отходы. Для сравнения: в среднем заводы Министерства машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР отправляют на переплавку двадцать четыре процента черных металлов. Словом, по многим показателям «Лиепайсельмаш» — передовой в отрасли.

— Я не могу сказать, что у нас легкая жизнь,— говорит главный инженер завода Оскар Янович Сандерс.— Но мы не жалуемся.

Прерву на время рассказ главного инженера, чтобы пригласить читателя на короткую экскурсию по цехам завода. Еще несколько месяцев назад директор Чиркшис не любил водить сюда журналистов. И понять его можно. В цехах тесно. Площадь использована до предела. Между станками не всегда удается протиснуться, а проходы заставлены ящиками с заготовками и готовыми деталями. Негде разминуться двум электрокарам. Трудно поверить, что в этом кажущемся хаосе можно сделать продукцию современную, высокого качества. Но это лишь первое, поверхностное впечатление. А при детальном знакомстве с каждым станком в отдельности непременно обнаруживаешь технологические новинки.

Вот обыкновенный универсальный токарный станок. Рабочий вставляет в него шток гидроцилиндра, пускает станок и через двадцать секунд (!) снимает деталь. Поверхность ее сверкает, блестит, словно зеркальная. Девятый класс чистоты! А ведь чем лучше обработаны поверхности гидроцилиндра, тем дольше будут служить резиновые уплотнители. Им приходится выдерживать давление сто шестьдесят атмосфер, а если к этому еще добавится трение о неровные поверхности металла, то резина долго не протянет. Между тем, увы, на большинстве автомобильных заводов до сих пор чистоты штоков гидроцилиндров добиваются шлифованием, отнимающим немало времени. На новейших автоматических линиях эта операция требует примерно двадцати минут на каждый шток, скажем, тормозного цилиндра. А на «Лиепайсельмаше» та же операция занимает всего двадцать секунд и требует одного универсального, а значит, и дешевого токарного станка. И он обеспечивает всю программу завода.

Теперь, чтобы объяснить превращение простого токарного станка из гадкого утенка в лебедя, вернемся к рассказу главного инженера Оскара Яновича Сандерса:

— Лет пять назад мы уперлись в казавшееся несокрушимым препятствие. Производственные площади были использованы до последнего метра, а денег на строительство новых цехов не было. При этом план по выпуску гидроцилиндров увеличивался. Мне не давал покоя участок шлифовки штоков. Там стояло двадцать шлифовальных станков. И все же они с трудом обеспечивали нужды завода. Как раз тогда я попал в Москве на международную выставку в Сокольниках. Одна зарубежная фирма демонстрировала станок, который изготовлял тонкие шестиметровые стальные прутки. За один проход резца он давал гладкую шлифованную поверхность. Я долго около него ходил, рассматривал его, но колпак прикрывал какое-то хитрое устройство, смонтированное рядом с резцом. В чем тут дело? Безжалостная необходимость заставляла думать, искать ответа. И вот нашли решение: под чехлом нашего станка — стальные ролики, которые укатывают неровности поверхности, неизбежно остающиеся после резца.

— Оскар Янович,— спросил я,— а вы не пытались поделиться этим опытом с заводами других министерств?

— Пытались,— говорит инженер,— но оконфузились. Наши рационализаторы недавно послали соответствующие чертежи на Горьковский автозавод и получили вежливый ответ: не имеем возможности воспользоваться вашей идеей, потому что сами начали разработку подобной. Этот случай, вероятно, тоже подтверждает мою мысль: автомобилестроителей еще не припекло. У них есть резервы. А теперь о другом случае. Чтобы его объяснить, нужно снова вернуться на пять лет назад, когда мы разработали и внедрили в производство новый погрузчик. Эта машина производительнее старой на семьдесят процентов. Трудоемкость старого погрузчика была тридцать два часа, а на новый сначала требовалось почти втрое больше. Это значит, что мы на прежних мощностях должны были неизбежно выпускать меньше новых машин, чем старых. Но нам утвердили план на прежнем уровне — двадцать тысяч погрузчиков в год. Два года завод не выполнял план. Росла текучесть кадров, цеха лихорадило. В министерстве считали, что у нас отсталая технология сварочных работ. Приезжали комиссии. Даже академик Патон, главный специалист по сварке, разбирался в наших бедах, но и он пришел к заключению, что со сваркой у нас полный порядок. После этого план нам снизили. Все вошло в нормальное русло, однако именно за то время, пока на нас давили неприятности, трудоемкость погрузчика уменьшилась почти наполовину. Сработало стремление коллектива найти выход из положения. Иллюстрацией того, как это происходило, служит история с Марковским.

Все, что рассказал Оскар Янович, звучит вполне убедительно, но не до конца объясняет, почему именно на «Лиепайсельмаше» так высок уровень технологии да и другие показатели тоже. А секрет, на мой взгляд, в личности директора.

Я уже обращал внимание читателя на то, как строит Илмар Андреевич утвердительные фразы. Они кончаются альтернативным вопросом, который дает возможность собеседнику возразить, если он не согласен, подчеркивает интерес директора к чужому мнению. И это не только манера разговора — это стиль общения с подчиненными. Илмар Андреевич никого не опекает в мелочах, предоставляя каждому специалисту делать свою работу в полную меру таланта и разумения. Я часто слышал, как он говорил собеседнику:

— Вникать в тонкости мы не будем. Важен результат. И я уверен, вы справитесь. Да?

Вот откуда в коллективе та атмосфера доверия и доброжелательства, которая позволяет заводу выходить победителем из тупиковых ситуаций.

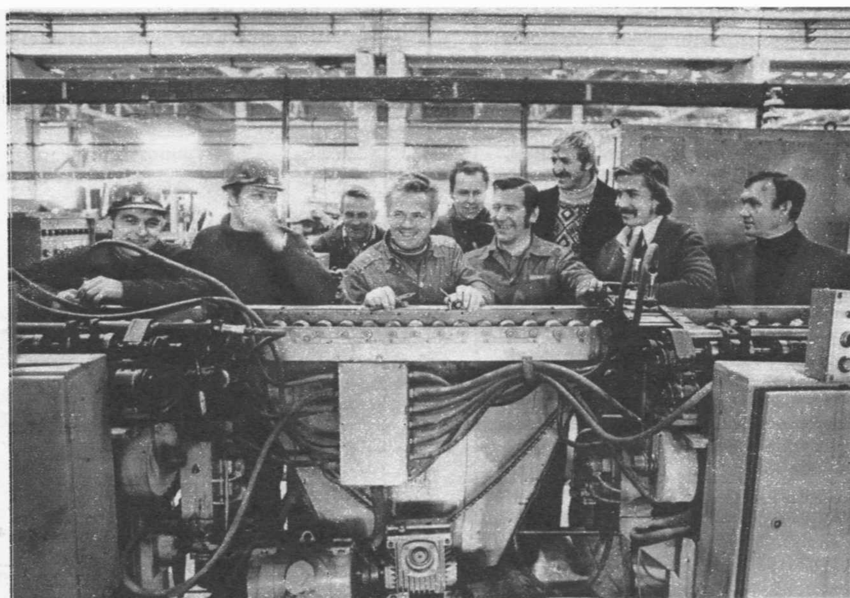
Сейчас «Лиепайсельмаш» вступает в новый период. В рамках выполнения Продовольственной программы идет его расширение и реконструкция. В новых зданиях монтируется оборудование, полностью исключающее ручной труд на производстве гидроцилиндров. Его возьмут на себя роботы. Завод будет теперь выпускать один миллион сто тысяч различных гидроцилиндров, что должно покрыть восемьдесят процентов потребности отрасли в этой продукции. Директор не скрывает своей радости:

— На декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС был выдвинут призыв добиться сверхпланового повышения производительности труда на один процент. Коллектив нашего завода взял обязательство повысить производительность труда в 1984 году на четыре и шесть десятых процента. Это как раз на один процент больше планового задания. Кроме того, мы выдвигали встречный план: реализовать продукции на шестьсот тысяч рублей больше, чем запланировали. Этот повышенный план нам утвердили. Но теперь мы взяли обязательство прибавить к встречному плану еще пятьсот тысяч рублей. Это значит, что в этом году «Лиепайсельмаш» даст стране на миллион сто тысяч рублей реализованной продукции больше, чем нам первоначально планировали. Трудно? Конечно. Но ведь трудности закаляют? Да?

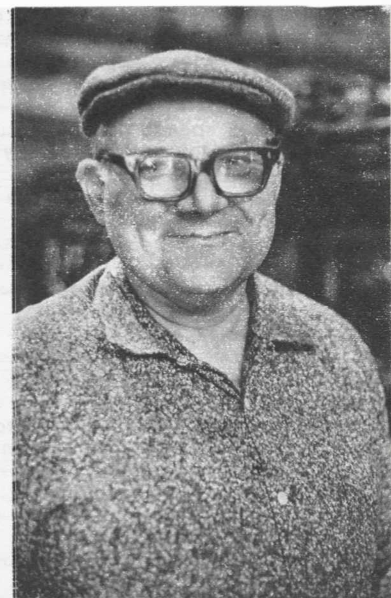
Лиепая, Латвийская ССР.

Илмар Чиркшис.

Бригады Николая Кудинова и Эдвина Мантулиса заканчивают монтаж нового оборудования.

Мервалдис Марковский.

Четвертая координата

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Фото автора

Н. Л. Беручашвили.

Ему тридцать шесть. Доктором наук стал в тридцать три года. Географией как наукой заведующий кафедрой картографии Тбилисского государственного университета, доктор географических наук Николай Леванович Беручашвили стал заниматься восьми лет от роду. Утверждаю это так же серьезно, как серьезен был Коля в ту самую, восьмилетнюю свою пору.

Родители его, художники, по выходным выезжали в окрестности Тбилиси на этюды и брали с собой сына. Казалось, быть и ему художником, деваться просто некуда. И Коля стал рисовать, да только не этюды, а совсем другое — то, что уже тогда можно было называть картами, схемами, планами. Как и желали мать и отец, он чутко и радостно внимал красоте природы, но странным взором. Сквозь трепет растений, дрожание воздуха, рокот горной речки он стремился понять, как устроен мир.

Коля носил с собой сумку с блокнотами, миллиметровкой и карандашами, делал какие-то записи, зарисовки. Он еще не знал, что это называется ландшафтным картографированием, но был уже убежден: это дело на всю жизнь.

Года через три он уже совершал походы. В одиночку, иногда с товарищем. Все, как положено географу: снаряжение, маршрут и главное — конкретная цель исследователя. Сейчас, спустя четверть века, я спрашиваю его: «Что самое прекрасное в твоей жизни?» Он, не задумываясь, отвечает: «Путешествия». Но страсть к путешествиям всегда была строго очерчена рамками конкретных задач на каждом этапе научной деятельности Николая Беручашвили, хотя многие из них большинству специалистов физической географии показались бы странными, если не абсурдными. Ну, скажите на милость, зачем и почему коллега отправляется в геохимическую экспедицию? Или с чего это на ландшафтные карты он наносит сведения о рыбах, цветах, птицах, каких-то букашках-таракашках? Будто забыл, что он представитель науки, смысл и назначение которой выражены в самом ее названии — «описание Земли», чему все географы всегда и следовали.

Как объяснить коллегам, что движет им, второкурсником университета, что побуждает его ринуться зимой на Памир собирать гербарии, изучать географию цвета, искать глобальные цветовые характеристики ландшафтов? Причем жить не где-то рядом с Душанбе, а на пятикилометровой высоте, на огромном удалении даже от крохотных точек цивилизации. И, конечно, в одиночестве (попробуйте сыскать второго энтузиаста на это!).

Средняя Азия, Приморье, Курилы, Западная Сибирь, Французские Альпы, Корсика и, конечно, Кавказ, который он исходил, кажется, весь вдоль и поперек и облетал на вертолете. Это география его путешествий.

Однажды я полетел вместе с ним и получил возможность увидеть его в деле. Жаль, что с погодой нам в тот день не очень-то повезло и по причине низкой облачности пилоты отказались подняться выше двух километров и залететь в Сванетию, где у Николая были свои особые интересы.

У Беручашвили появились и утвердились такие необычные для географии понятия, как «состояние» и «поведение» природно-территориальных комплексов (ПТК). Строго говоря, понятие «состояние» геосистемы было и раньше. Но лишь в применении к длительным процессам. К примеру, в лесу происходит естественная смена березняка ельником, тот закономерно сменяется болотом, оно само проходит свои стадии развития, и так далее. Это ряд естественных состояний лесной системы.

Беручашвили ввел понятие кратковременных состояний ПТК. Так появилась возможность судить и о смене состояний, о поведении, зависящих от погоды, сезонной ритмики, хозяйственной деятельности человека. Речь теперь пошла о принципиально новом в физической географии — о прогнозе состояний. Причем прогнозе реальном — на сутки, неделю. С легкой руки Беручашвили в этой древнейшей, как сама Земля, науке появилась четвертая координата — время.

Он ввел понятие: суточное состояние ПТК. И дал ему, точнее, просто придумал имя — стекс. Это та единица, в которую заложены влажность воздуха, почвы, их температуры, скорости ветра и количество фитомассы, темпы ее роста и так далее. Как обращаться со стексом? Вот, скажем, определили стекс сегодня, потом завтра, потом через месяц. На основании анализа можно сделать выводы о том, правильно ли развивается данный ПТК, по какому пути он дальше пойдет. Если нужно, то местным хозяйственным органам будут даны необходимые рекомендации. Однако здесь необходимо уточнение. Методами Беручашвили заложены основы, принципы. Чтобы они воплотились в жизнь, нужен заказчик. Разумный, сильный, деятельный. Беручашвили же — ученый, который сделал свое большое дело и продолжает делать.

Если сказать традиционное: «Двери его дома всегда открыты настежь»,— преувеличения не будет никакого. Летом, в экспедиционный период, дом всегда полнится народом. К Николаю Левановичу едут со всей страны. Едут молодые ученые, студенты, аспиранты. В экспедицию он отбирает их придирчиво и строго — по одаренности, но еще важнее, по способности к самоотдаче, к изнурительной, неутомимой работе мозга и тела. Потому что таков он сам и всегда был таким, сызмальства. Даже родители не могли взять в толк, почему сын, закончив текущие свои школьные дела, сразу же отправляется в библиотеку, тогда как все «нормальные» дети гуляют, развлекаются.

Вузовские учебники по избранной специальности Николай перечитал уже к окончанию школы. Долго вообще ничего в них не понимал, но внушал себе: надо. И оказался прав. Получается, что сам себя выпестовал? Нет, конечно. Просто мы имеем дело с какой-то удивительной формой домашнего воспитания, когда родители больше всего боялись лишить ребенка сладостного чувства свободы действий и выбора, а лишь чутко следили за развитием сына и незаметно, ненавязчиво поправляли в ошибках, сомнениях, трудностях.

Согласимся, что в слове «вундеркинд» больше ироничного, чем серьезного. Видимо, это потому, что такие дети при всей своей несомненной одаренности зачастую окунаются в атмосферу «максимального благоприятствования», а потому позже оказываются малоприспособленными к настоящей жизни.

Николая Беручашвили природа одарила щедро. И, что особенно важно, одарила талантом неистово и жадно трудиться, всегда трезво и реально смотреть на себя со стороны, быть к себе столь же требовательным, сколь и добрым к другим.

Он так мало похож на метра, особенно когда окружен учениками, а тем более когда занимается с двенадцатилетним сыном Дато, который весь погружен в географию, частенько летает с отцом на вертолетах, а обращается к нему просто по имени. Я спросил Николая: почему? Он счастливо улыбнулся и сказал:

— Мы с ним большущие друзья!

Пусть стихи расскажут миру...

Марфуга АЙТХОЖИНА

●

Степных просторов дочь,
Дочь скотоводов,
Я от рожденья счастлива была.
Средь горных круч,
Под гулким небосводом
Искала я алтайского орла.

Я знаю и цветы и земли эти,
К ним обращаю каждую строку.
Когда бегу —
Я обгоняю ветер,
Ловлю коня куруком[1] на скаку.

Смотрю с любовью,
Как стучит копытцем
По серым камням дикая коза.
...То ль верблюжонок в озеро глядится,
То ль озеро глядит в его глаза...

О племя скотоводов!
Здесь я дома.
Без родины прожить я не могу.
Как весело,
Как трудно,
Как знакомо
Вести гурты сквозь ветер и пургу!..

ЗОЛОТОЙ ХЛЕБ

Герою Социалистического Труда
Ж. Куанышеву

О, Кокчетав!
Мы все тобою дышим,
Ты для любого —
Словно отчий дом.
Здесь славный сын народа
Куанышев
На всю страну прославился трудом.

Мой Кокчетав!
К тебе с горячей речью
Еще я обращусь в заветный срок.
Вот радостно
Нам побежал навстречу
Твой торопливый
Нежный ветерок.

Мы ехали,
Чтоб повидать батыра,
Которому Звезда присуждена.
Но пусть стихи
О нем расскажут миру —
В стихах всему
Особая цена:
И голубым
Высотам Окжетпеса
И этим ширям, что по сторонам...
Степь золотая!
Неспроста известна
Ты
Трудовыми подвигами
Нам!

Твоя, мы знаем,
В урожаях сила,
А в песнях славится твоя судьба.
Тебя красой
Природа одарила,
Где золотым венцом — твои хлеба!

ДОРОГА

Дорога, дорога,
Меня ты встречала мечтой.
Ты в дали рвалась,
В горизонт упираясь упрямо.
И бедное сердце мое уносила с собой,
Куда б ни летела — налево, направо иль прямо.
Дорога, дорога,
Ты словно бы дразнишь меня:
То кинешься вспять,
То вперед устремишься безбрежно.
Но даже когда ты стелилась прямее ремня,
Увы, не всегда у меня исполнялись надежды.

Порою ласкала ты тихую душу мою,
Порою звала
К недостигнутым, вечным высотам.
Порою мне скользкую напоминала змею.
Я так уставала —
Виски были мéчены пóтом.

Какие с тобой
Мы еще одолеем хребты!
В каких состязаниях
Мы еще первыми будем!
Какие еще я успею здесь встретить мечты,
Какие еще
Я увижу здесь россыпи судеб!..

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Мне цветы подарили,
В них дух сохранился степной.
И в ответ благодарность
Меня захлестнула волной
Я останусь вовек
В неоплатном долгу перед теми,
Кто своею любовью
Сейчас поделился со мной.

О, спасибо за все!
Ваши речи белей облаков.
Слышу ваши сердца
Я в букетике белых цветов.
Кто-то вырастил их,
Кто-то к ним наклонялся с любовью.
Как глаза отвести мне
От белых сквозных лепестков?

Дни и годы идут.
Не кончается их череда.
Над дорогой степной
Путеводная всходит звезда.
Перед той добротой,
Что осыпала путь мой цветами,
Где бы я ни была,
Не останусь в долгу никогда!

●

Рано в пряди мои
Ты вплелась, седина.
Потому-то и я
Беспокойством полна.
Не дают мне забыться
Бессонные мысли,
Увлекая туда,
Где вершина видна.

А о чем они?
То ли о песнях степей,
То ль со мной
О любви вспоминают моей,
То ль твердят,
Что становится сердце поэта
От стихов, как от рос чудотворных,—
Нежней.

То ль зовут,
Чтоб мои встрепенулись крыла,
Чтоб над грустью я взмыла
И счастье нашла.
...Не во имя ли этого
Тратим мы силы
И вершим кропотливо
Земные дела?..
То ль твердят,
Чтоб как сталь, я была бы крепка.
Пусть бурлит, мол, в душе
Вдохновенья река.
Я не сплю,
Соколино летят мои мысли,
И небесная даль
Надо мной высока.

Может, счастье —
Строка, что стучит в мою грудь.
Без стихов
Не могла бы я неба вдохнуть.
Может быть,
Слишком рано седеют поэты
Потому, что нелегкий
Достался им путь...

ПРИВЕТ ОТ АЛАТАУ

Как много гостей —
Так за валом вздымается вал,
Когда пробегает по морю
Взволнованный ветер.
Сегодня я там,
Куда голос мой не долетал.
Бесценное время,
Спасибо за скорости эти!

Спасибо за то,
Что зовет нас одна высота,
За то, что, взлетая,
Я делаюсь чище с годами,
За то, что во мне
Твоего горизонта черта,
За то, что аул мой
На равных теперь с городами.

Аульные девушки...
Ты ли не знаешь о них?
В любых испытаньях
Они не знакомы со страхом.
У каждой из них
Светозарен и радостен лик,
Тяжелое прошлое
Стало безжизненным прахом.

Ты видело, время,
Каких оно стоило бед!
А нынче, как ласточки,
Девушки наши крылаты!
Примите, друзья,
От гор Алатау привет —
Там солнце целует
Скалистые горные скаты...

Перевела с казахского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

---

[1] Курук — шест с петлей.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Что же у нас за душой?

В «Огоньке» (№ 2, 1984) был опубликован очерк Виктора Пронина «Кукиш в кармане». В нем рассказывалось об уничтожении голубей директором школы — она приказала заколотить чердак, чтобы птицы погибли там от голода. Писал автор и о малодушии учителей, не посмевших выступить против такого решения начальства. Очерк заинтересовал и взволновал наших читателей, в редакцию пришло много писем. Разные мнения, размышления, выводы, но нет ни одного письма равнодушного. Кто-то поддерживает точку зрения автора, кто-то спорит с ней. Многие читатели не просто делятся своими суждениями по поводу событий, описанных в очерке, но с возмущением требуют увольнения директора Новотроицкой школы, настаивают на мерах, исключающих проникновение в школы подобных людей. Немало писем, авторы которых сетуют, что нет у нас статьи закона, карающей за издевательство над животными.

Пришли письма и в защиту учителей, написавших анонимку. Ссылаясь на свой жизненный опыт, на пережитое близкими, знакомыми, на публикации в газетах и журналах, читатели рассказывают, как несладко бывает людям, отважившимся на открытую критику.

Вот письмо Э. С. Паникаса из села Песчанокопское Ростовской области: «Теоретически автор прав, но практически... Представьте себе хуторскую школу с десятком-двумя учителей. Директор здесь — царь и бог. Неугодного учителя он может ущемить без каких-либо видимых нарушений закона — уменьшить число часов, неудобно составить расписание, придираться к каждой мелочи, по каждому поводу. В коллективе всегда найдутся подхалимы, которые поддержат директора, создадут строптивому работнику невыносимые условия. Хутор не город, где всегда найдешь подходящую работу, здесь нет такой возможности, да и многие привязаны домом, хозяйством, работой или учебой других членов семьи».

В искренности написанного сомневаться не приходится. Автор прав — есть еще в нашей жизни такие явления, но смотреть на них спокойно, воспитывать в молодом поколении приспособленчество, угодливость, право же, не стоит, даже если это угрожает суровыми административными карами со стороны того или иного самодура. Давайте все-таки согласимся с тем, что есть в жизни вещи более важные, нежели привязанность к хозяйству или к месту работы. Если махнуть рукой и смириться из каких-то внешне разумных, практических соображений — значит, допустить риск вырастить людей, которые для удовлетворения своего самолюбия, для должности, выгоды будут попирать ногами тех, кто стоит ниже их, кто зависим от них.

Библиотекарь из села Мостки Ворошиловградской области Нелли Ивановна Полищук пишет:

«На нас на всех лежит большая ответственность за то, какими вырастут наши дети, а поэтому мимо таких фактов, даже единичных, мы не имеем права проходить. Новотроицкие учителя обокрали себя. Написав письмо в Москву, они сложили с себя ответственность. Как можно доверять им воспитание детей, если они сами не выдержали экзамен на мужество, твердость в отстаивании своих убеждений?»

Еще одна тема особенно часто звучит в письмах — надругательство над любовью к животным. Да, пишут наши читатели, «голубь — это символ мира, это голубое небо, простор и так далее», но голубь — это еще и наше отношение к слабым и беззащитным. Мы ценим в людях не только силу, но и доброту. Не думаю, что события в Новотроицкой школе отбили у ее учеников любовь к птицам, скорее наоборот — укрепили ее. И единственное, чего добилась директор,— это заставила учащихся усомниться в ее же справедливости, в ее такте, авторитете, наконец.

«Может быть, в этой школе и есть учителя, которые учат детей честности и прямоте, но какая же цена этим поучениям, если дети увидели, что их наставники говорят одно, а сами поступают по-другому? Мне, бывшей учительнице, просто стыдно стало и обидно»,— пишет учительница из города Винницы. Кстати, даже в этом письме по каким-то причинам подпись поставлена неразборчиво.

Учительница из села Алмазово Саратовской области Т. Л. Самойлова пишет:

«Я считаю, что директор Новотроицкой школы не имеет морального права не только возглавлять коллектив учителей, но и быть учителем. Жестокий человек не может быть педагогом».

Семья Литвиновых из Владивостока: «Сам факт грубого, дикого проявления своей воли, не считающейся с просьбами детей и мнением коллег,— случай не рядовой. Что это — упоение властью, самодурство или что-то другое?»

«Что же порождает анонимщиков? — спрашивает Е. А. Уланова из села Пушкино Крымской области.— Почему люди боятся ставить свои подписи? Да дело в том, что стоит написать в газету, как на голову посыплются все шишки. Тебя не только накажет начальство, доведет до увольнения, как неугодного, могут отвернуться и товарищи, даже те, которые в коридорах были так солидарны с тобой».

Перекликается с этим письмом и мнение А. В. Бородиной из Красноярска: «В письме учителей ясно сказано: «к сожалению, назвать свои фамилии не можем». «К сожалению»—значит, есть причина. Если уж с птицами так расправилась директор школы, то как она поступит с людьми, написавшими в редакцию! У директора, видно, поддержка есть крепкая со стороны вышестоящих органов, коли она так ведет себя».

Исполнительный комитет Крымского районного Совета народных депутатов Краснодарского края сообщает, что статья «Кукиш в кармане» признана правильной, соответствующей действительности. Директору Новотроицкой средней школы № 22 В. И. Тихоненко за просчеты, допущенные в воспитательной работе среди учителей и учащихся, за антипедагогические действия объявлен выговор. Как пишет заместитель председателя райисполкома Л. Ф. Терновская, статья обсуждена на районном совещании директоров школ, а также во всех педагогических коллективах школ и детских дошкольных учреждений, стала предметом серьезного разговора об улучшении воспитательной работы среди коллективов учителей и учащихся.

Казалось бы, все прекрасно, и директор, осознав свои заблуждения, станет другим человеком, настоящим педагогом, добрым, чутким, заботливым. Ан нет! В жизни все куда сложнее, нежели в ответах уважаемых руководителей. Помимо официального ответа, пришло из Новотроицка письмо от учительницы Марии Ефимовны Бартовой. Оказывается, директор предпочла все-таки пойти по другому пути — попытаться найти автора анонимного письма и наказать его. Было проведено профсоюзное собрание, ставшее, по сути, судом над М. Е. Бартовой.

Учительница пишет в письме: «Честное слово, я не писала жалобу о голубях. С наболевшими вопросами я обращаюсь в райком партии и на письмах всегда четко ставлю свою подпись. Голуби— это только одно из многих проявлений беспардонности В. И. Тихоненко. Она не признала себя виновной, не извинилась перед учителями за то, что своими действиями опозорила коллектив. Да, я писала жалобу в райком КПСС, но только не из-за «голубиной истории», а о том, что в школе безграмотными с педагогической точки зрения действиями директора создана ненормальная, болезненная обстановка, выдержать которую могут далеко не все. Достаточно сказать, что за последние пять лет от нас ушло тридцать человек при штате пятнадцать человек. Это уже сверхтекучка. И это письмо я подписала. Так мне ли бояться открыто сказать о голубях? Учителем я проработала 36 лет, а в этой школе — одиннадцатый год, и мне самой очень неприятно, что так нелестно написано в статье о нас, учителях, хотя, к большому сожалению, написано все правильно. Но меня успокаивает сознание, что все те тысячи учеников, которые прошли через мои уроки, знают: статья написана не обо мне. Они-то знают, что я не хожу с кукишем в кармане».

Так что же у нас в кармане, что у нас за душой? Спокойная уверенность, готовность себя отстаивать или же мстительный кукиш, который кое-кто готов назвать единственной возможностью заявить о себе?

...Нельзя сказать, однако, что и сама история с голубями завершилась. Похоже, выговор не стал достаточным уроком для директора Новотроицкой школы. Иначе как расценить то, о чем написала в редакцию М. Е. Бартова? Надеемся, исполком Крымского районного Совета народных депутатов вернется к этому вопросу.

И. ТОЛКАЧЕВА

В ВИХРЕ РЕВОЛЮЦИИ

А. ЕРОХИН,
сотрудник Центрального музея Революции СССР

Вот уже почти четверть века я публикую материалы о судьбе личных книг В. И. Ленина. Прочитаны многие сотни томов, что были с Владимиром Ильичем в тюрьме, в сибирской ссылке, в эмиграции, с которыми он не расставался в годы революций и гражданской войны, в мирные дни, которые и посейчас стоят на полках его кремлевской библиотеки. Каждую из этих книг открываешь с предчувствием самых неожиданных встреч и находок. Мог ли я предположить, скажем, что страницы двух книг, хранящихся в личной библиотеке Ильича, отзовутся в яркой художественной форме в бессмертном «Тихом Доне» Михаила Шолохова! Об этом и пойдет наш рассказ.

В третьей книге «Тихого Дона» есть такая сцена:

«...На днище опрокинутой посредине плаца бочки вырос приземистый красноармеец в добротной шинели и новехонькой мерлушковой папашке с расстегнутыми мотузками наушников. Рукой в пуховой перчатке тот поправил обмотанный вокруг шеи дымчато-серый кроличий, казачий с махрами шарф, огляделся.

— Товарищи казаки! — резнул по ушам Петра низкий, простуженный голос.

Оглянувшись, Петро увидел, как казаки, пораженные непривычным в их обиходе словом, переглядываются, подмигивают друг другу обещающе и взволнованно. Красноармеец долго говорил о Советской власти, о Красной Армии и взаимоотношениях с казачеством. Петру особенно запомнилось,- оратора все время перебивали криками:

— Товарищ, а что такое комуния?

— А нас в нее не запишут?

— А что за комуническая партия?

Оратор прижимал к груди руки, поворачивался во все стороны, терпеливо разъяснял:

— Товарищи! Коммунистическая партия — это дело добровольное. В партию вступают по собственному желанию те, кто хочет бороться за великое дело освобождения рабочих и крестьян от гнета капиталистов и помещиков.

Через минуту из другого угла выкрикивали:

— Просим разъяснить насчет коммунистов и комиссаров!

После ответа не проходило и нескольких минут, как снова чей-нибудь яровитый бас громыхал:

— Непонятно гутаришь про комунию. Покорнейше просим растолковать. Мы — люди темные. Ты нам простыми словами жарь!»

Так в «Тихом Доне» описано выступление безымянного красноармейца в станице Вешенской перед бойцами казачьего полка, отказавшегося воевать с Красной Армией.

У красноармейца и трудовых казаков нашлись общие интересы, им оказалось по пути с Советской властью, и казаки открыли фронт перед красными войсками. Но оказавшиеся у руководства донской партийной организации, командования Южного фронта троцкисты беспардонно нарушили ленинские указания о союзе с середняком, необоснованными массовыми репрессиями озлобили трудовое казачество, что вызвало его недовольство. Этим воспользовались враги Советской власти, поднявшие восстание на Дону.

М. А. Шолохов первым в истории вскрыл подоплеку этого восстания на Дону, которое ярко и беспощадно отображено им в третьей части «Тихого Дона». Об этом он говорил в беседе с И. В. Сталиным и А. М. Горьким в 1931 году:

«Сталин... задал вопрос: откуда я взял материалы о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта по отношению к казаку-середняку? Я ответил, что в романе все строго документально. А в архивах документов предостаточно, но историки их обходят и зачастую гражданскую войну на Дону показывают не с классовых позиций, а как борьбу сословную — всех казаков против всех иногородних, что не отвечает правде жизни. Историки скрывают произвол троцкистов на Дону и рассматривают донское казачество, как «русскую Вандею».

Между тем на Дону дело было посложнее... Вандейцы, как известно, не братались с войсками Конвента французской буржуазной революции. ...А донские казаки в ответ на воззвания Донбюро и Реввоенсовета открыли свой фронт и побратались с Красной Армией. И тогда троцкисты вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции... В этом — суть трагедии народа!..»[1]

В третьей книге «Тихого Дона» М. А. Шолохов предстает перед читателем не только несравненным мастером-художником, но и смелым и глубоким историком, в совершенстве владеющим марксистско-ленинским методом анализа исторических событий. Читатель видит, как сразу потянулись казаки к незнакомому им красноармейцу, обратившемуся к ним со словами большевистской правды. Вера народа, трудового казачества в ленинскую правду жила, несмотря на извращение политики партии по отношению к крестьянству троцкистами на Дону. Об этом прямо говорит беспартийный возница большевику Штокману:

«— А чем неправильно сделали — скажу. Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти и износу не было. Дурастого народу у вас много, через это и восстание получилось.

— Как надурили? То есть, по-твоему, глупостей наделали? Так? Каких же?

— Сам, небось, знаешь... Расстреливали людей. Нынче одного, завтра, глядишь, другого... Кому же антирес своей очереди ждать? Быка ведут резать, он и то головой мотает...»

В связи с этим особое внимание привлекает тот безымянный красноармеец, который пришел к казакам с большевистской правдой, о котором будто мимоходом сказано в «Тихом Доне». Реальное ли это лицо или выдуманное писателем? И если реальное, то кто он? Откуда? Какова его дальнейшая судьба?

«...В романе все строго документально»,— сказал сам автор в беседе со Сталиным и Горьким. В этом отношении «Тихий Дон» с полным основанием можно поставить рядом с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Документально теперь подтверждено и выступление безымянного красноармейца в станице Вешенской перед казаками.

Какие это документы?

В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле и посейчас сохраняется книга, обложка которой схвачена траурной рамкой. В этой рамке начертано заглавие: «Братская могила». Чуть пониже напечатано: «Биогр. словарь умерших и погибших членов Моск. организации РКП». Книга была напечатана в Москве в 1922 году (на обложке означен 1923 г.), и один из первых ее экземпляров был послан В. И. Ленину. Он оставил этот сборник у себя в библиотеке — так он поступал тогда, когда та или иная книга интересовала его[2]. Книга «Братская могила» открывается словами:

«Членам Московской организации РКП посвящается этот сборник МК РКП.

Перед славными могилами ушедших от нас товарищей Московский Комитет РКП с благоговением склоняет свое боевое Красное знамя».

В сборнике названо без малого 1100 московских коммунистов, отдавших жизнь за победу Революции. Все они были героями. Жизнь каждого из них, вмещенная в несколько десятков строк, и сейчас читается как повествование о кристально чистых рыцарях нашей революции. Тут я и встретил фамилию того красноармейца, о котором пишет М. А. Шолохов в «Тихом Доне»:

«Титов Григорий Васильевич (Кудрявцев Александр Игнатьевич) — родился в 1886 году в деревне Солигаличского уезда, Костромской губернии. После смерти отца мать отдала его 12-летним мальчиком в учение к подрядчику в Петербург, где изучил малярное ремесло. В Петербурге т. Титов очень рано становится сознательным рабочим, и 1905 год встречает его вполне подготовленным. С 1912 года он уже в рядах партии. С 1915 года он ведет активную работу, как профессиональную, так и партийную, в Москве. Под его руководством печатаются и распространяются прокламации с протестом против империалистической войны. Он организует много рабочих кружков, главным образом в Лефортовском районе. До Октябрьской революции и во время ее т. Титов много работает по заготовке оружия, по вооружению рабочих, по укреплению района, устройству окопов, и, наконец, мы видим его с винтовкой в руках при взятии Алексеевского училища. Тов. Титов отправляется на Украину против гайдамаков, в феврале 1918 года — против немцев в Оршу. По приезде с Украины т. Титов снова собирается в поход, в начале лета 1918 года отправляется с отрядом (20-м сводным полком) на Урал против Дутова. Там их застигает чехословацкое восстание, и они оказываются отрезанными от центра. С большими трудностями пробиваются остатки полка через Оренбургские степи в Турнестан — и в Москву в конце августа. Но тут т. Титов не засиживается; в Москве организуется рабочая дивизия, и т. Титов снова на фронте против Краснова в качестве комиссара одного из рабочих полков. По очищении неприятелем казачьих местностей он деятельно работает по организации местной власти. Прослышав, что в Вешенской полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с казаком Фоминым, т. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружными, решили пробраться через фронт, чтобы окончательно разложить полк, разоружить его. И, действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, 2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешенский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, благополучно вернулся в свой полк.

Результаты и этой геройской экспедиции не преминули сказаться: после Вешенского полка стали сдаваться и другие казачьи полки, и мы почти без боев прошли большую часть Донской области. Тов. Титов первый произвел опыт, давший впоследствии прекрасные результаты — навербовал из перебежчиков, колчаковцев-добровольцев полк в несколько тысяч, оказавшихся беззаветными бойцами. Маляр и пильщик по профессии, т. Титов был революционером по призванию и во время революции вырос в большого организатора и стойкого бойца за идеалы коммунизма...»[3].

В этой краткой биографической справке все совпадает со страницами «Тихого Дона», где описано выступление на митинге безымянного красноармейца: и время, и место (станица Вешенская), и фамилия казака Фомина. Михаил Александрович Шолохов еще одним документом подтверждает слова из биографии коммуниста Титова: «...2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешенский казачий полк...» В «Тихом Доне» приведена телеграмма, посланная после митинга из стани-

[1] Цит. по книге: Константин Прийма. С веком наравне. Ростов-на-Дону, 1981, стр. 148.

[2] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961. № 854.

[3] Братская могила. Биограф. словарь умерших и погибших членов Моск. организации РКП. Вып. 1, 1922, стр. 156.

И. Бродский. 1884—1939. В. И. ЛЕНИН.

Д. Налбандян. Род. 1906. В. И. ЛЕНИН В 1919 году НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. 1957. (Фрагмент).

П. Белоусов. Род. 1912. В. И. ЛЕНИН СЛУШАЕТ МУЗЫКУ.

Кто такая «Ел.Ив.»?

РАСШИФРОВАНО ИМЯ ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРИИ ИЛЬИНИЧНЫ УЛЬЯНОВОЙ

В книге «О В. И. Ленине и семье Ульяновых» собраны воспоминания, очерки, письма Марии Ильиничны Ульяновой. В одном из писем, отправленном из вологодской ссылки в Саратов 21 января 1913 года, Мария Ильинична сообщала своей старшей сестре Анне Ильиничне: «...Ел. Ив. ответила...».

Так Мария Ильинична зашифровала имя одного из своих саратовских друзей. Она понимала: письмо могут перехватить жандармы, а это может причинить неприятности близкому человеку.

Кто же такая «Ел. Ив.»?

До последнего времени это не было известно. В книге есть сноска составителей: «О ком идет речь, установить не удалось».

Меня, саратовского журналиста, очень заинтересовала моя землячка, хотелось узнать о ней как можно больше. Прежде всего я поинтересовался: единственное ли это упоминание «Ел. Ив.» в переписке Ульяновых? Нет, не единственное. 27 ноября 1912 года Мария Александровна Ульянова писала своей дочери Марии Ильиничне из Саратова в Вологду: «Была... Ел. Ив., хотела узнать, как ты живешь, шлет тебе поцелуй...» В декабре того же 1912 года Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала Марии Ильиничне: «Были... Ел. Ив. с супругом». В этом же письме: «Соня не пишет ни мне, ни Ел. Ив.». «Соня»—одна из старейших большевичек, член РСДРП с 1898 года, Софья Николаевна Смидович. Очевидно, что все трое знали друг друга. Позднее Анна Ильинична жила в Петрограде, Мария Ильинична — в Москве.

В письме, помеченном 6 сентября 1915 года, старшая сестра писала младшей: «...Не могу както сосредоточиться и Ел. Ив. пишу лишь сегодня». Как видим, «Ел. Ив.»—близкий человек семьи Ульяновых. Они долго дружили с ней.

Кто же «Ел. Ив.»? Я перечитал множество воспоминаний о семье Ульяновых, встречался с людьми, знавшими их по Саратову, годами изучал архивные материалы. Однако все мои поиски были тщетными. Лишь недавно удалось разыскать ответ на волнующий вопрос.

Этот материал я нашел в Саратове, в областном государственном архиве, в «делах» бывшего саратовского губернского жандармского управления. Начальник управления, зорко следивший за письмами М. И. Ульяновой в Саратов, 12 января 1913 года докладывал своему вологодскому коллеге о «полученном агентурным путем совершенно секретном документе за подписью «Ваша Маня».

Он писал: «Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что автором его (документа.— Ю. П.) является Ульянова Мария Ильинична, занимавшая центральное место в Саратовской Социал-Демократической Группе... и высланная в Вологодскую губернию».

«Совершенно секретный документ» (так именовали жандармы письмо Марии Ильиничны Ульяновой.— Ю. П.) был послан по адресу: «Саратов. Мало-Сергиевская ул. д. № 7, Елизавете Ивановне Андреевой». На конверте жандармы отметили почтовый штемпель: «Вологда, 6.1.13». А в уже цитированной выдержке из письма Марии Ильиничны Анне Ильиничне, помеченного 21 января 1913 года, сказано: «...Ел. Ив. ответила...», то есть Елизавете Ивановне ответила. Видимо, речь об этом ответе.

«Голубые мундиры», перехватившие письмо Марии Ильиничны к Елизавете Ивановне, сделали только выписки из него. Само же письмо они запечатали снова в конверт и отослали ничего не подозревавшей Елизавете Ивановне.

Вот что хранится в Саратовском областном архиве:

«...Получила сегодня Ваше милое («...текст, не имеющий значения» — это вписано жандармским офицером.— Ю. П.) ...Есть тут старичок — Околоток, которому поручено смотреть за всеми ссыльными и которых он всех знает в лицо. Но по домам он, по-видимому, ходит редко, так как город небольшой, и обыкновенно хоть раз в неделю да встретишься с ним на улице».

Далее опять вписано жандармом — «текст, не имеющий значения».

В конце письма сказано: «Привет Н. Вас. Ваша Маня».

Очевидно, письмо скопировано далеко не полностью. Многие строки показались жандармам «не имеющими значения». Какая досада! Ведь для нас каждое слово из писем членов семьи Ульяновых бесценно!

Как же реагировал на послание главы саратовских жандармов его вологодский коллега? Он доносил в Саратов: «Автором секретного документа за подписью «ВАША МАНЯ» (подчеркнуто красным карандашом.— Ю. П.) является действительно состоящая в городе Вологде под гласным надзором полиции дочь действительного Статского Советника Мария Ильинична УЛЬЯНОВА (подчеркнуто красным.— Ю. П.), высланная в Вологодскую губернию за принадлежность к Саратовской группе РСДР партии на три года, с 20 сентября 1912 года. Старичок Околоток, о котором упоминается в указанном документе,— это околоточный надзиратель Вологодской городской полиции Кутин, назначенный специально для надзора за ссыльными».

* * *

Теперь вернемся снова к Елизавете Ивановне Андреевой. В одном из биографических справочников об участниках революционного движения я увидел ее краткую биографию. Елизавета Ивановна родилась на Волге, в Хвалынске, Саратовской губернии, в семье учителя. Получила среднее образование. С начала 80-х годов прошлого века участвовала в деятельности революционной организации «Народная воля» в Саратове. В 1898 году в Москве вступила в ряды РСДРП. В 1901 году ее арестовали в Москве, бросили в Бутырскую тюрьму, где она томилась полгода. По выходе из тюрьмы возвращается в Саратов, работает в управлении Рязанско-Уральской железной дороги. Принимает активное участие в революции 1905 года.

В 1934 году, когда была напечатана эта биографическая справка, Елизавете Ивановне шел 78-й год. Она состояла членом общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Как сложилась в дальнейшем ее судьба, неизвестно. А выяснить это очень важно. Вероятно, она и после революции поддерживала связь с Ульяновыми. Возможно, в личных архивах ее родных, близких остались письма Ульяновых, воспоминания об их жизни, деятельности в Саратове. Да и сама Елизавета Ивановна Андреева—человек, бесспорно, интересный.

Ю. ПЕСИКОВ

Саратов.

цы Вешенская генералу Краснову в ответ на его приказ выступить против большевиков: «Новочеркасск атаману Краснову точка Катись под такую мать точка...»

Как говорят ныне, действенность агитации налицо.

О дальнейшей судьбе Григория Титова, прототипа красноармейца-агитатора из «Тихого Дона», я узнал из другой книги, также хранящейся в кремлевской библиотеке В. И. Ленина. Она называется «Взрыв 25 сентября 1919 г. в помещении МК РКП по Леонтьевскому пер., 18» и напечатана в Москве в 1920 году [4].

В тот день, 25 сентября 1919 года, в помещении Московского комитета партии в Леонтьевском переулке собралось около 150 активистов — агитаторов, лекторов, районных организаторов, слушателей Высшей партийной школы, партийных руководителей. Только что было опубликовано в печати сообщение ВЧК о раскрытии крупной подпольной белогвардейской организации «Национальный центр», и партийные агитаторы и пропагандисты поспешили в Московский комитет партии за материалами для бесед с трудящимися о действиях контрреволюционеров. Тут же партийных активистов знакомили с планами политической учебы на приближавшийся новый учебный год.

Во время совещания в окно левыми эсерами была брошена мощная бомба. В книге, документально описывающей злодеяние врагов революции, читаем:

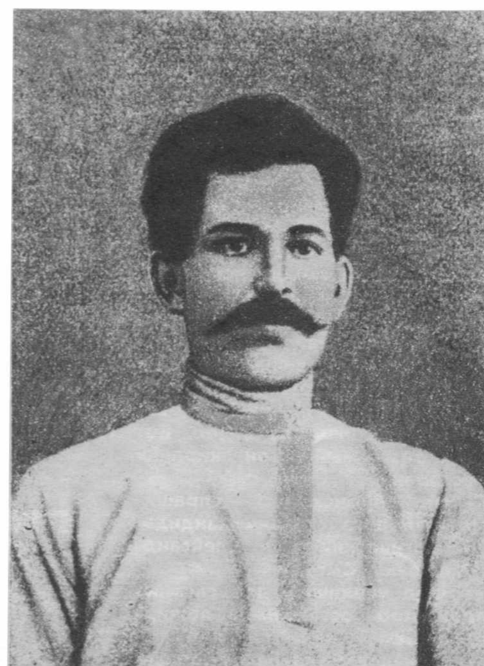
«В полу большого зала бомба пробила громадную брешь, арш. 4 в ширину... Вся задняя часть дома вывалена в сад вместе с отброшенной туда железной крышей» [5].

При взрыве погибло 12 коммунистов, в том числе член партии с 1902 года, соратник В. И. Ленина, 36-летний революционер, секретарь Московского комитета партии Владимир Михайлович Загорский. 55 человек получили тяжелые ранения [6].

Среди погибших был и агитатор из станицы Вешенская, коммунист-фронтовик Григорий Васильевич Титов. В те дни по делам политотдела армии он находился в Москве. Встретился здесь с земляком, уроженцем соседней деревни Александром Сафоновым. Участник революции 1905 года, он испытал при царизме и одиночку Таганской тюрьмы и каторгу, был активным участником Октябрьских боев в Москве и приехал в столицу с фронта, будучи членом Реввоенсовета 12-й армии. Вместе они отправились в Московский комитет партии, чтобы получить самые свежие материалы для бесед с красноармейцами на фронте. Вместе они и погибли от рук контрреволюционеров.

Павших сынов партии, в том числе и Г. В. Титова, похоронили в братской могиле у Кремлевской стены [7].

Такова жизнь красноармейца, о котором говорится в «Тихом Доне» М. А. Шолохова.

Г. В. Титов. Снимок из книги «Взрыв 25 сентября 1919 г. в помещении МК РКП по Леонтьевскому пер., 18».

[4] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. № 861.

[5] «Взрыв 25 сентября 1919 г...». М., 1920, с. 7—8.

[6] Там же, стр. 8.

[7] Там же, стр. 9.

РЫБА... В ДОЛИНЕ

Ия МЕСХИ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Личные впечатления почти тридцатилетней давности. Времени года не помню, но у берегов высокогорного Севана холодно. Ярко блестит синяя чаша озера. Рыбаки разожгли костер, варят в чугунном котле уху из севанской форели, ишхана, как ее здесь называют, то есть царь-рыбы. Приглашают отведать: царь-уха! Бело-розовое мясо невыразимой вкусноты тает во рту...

Личные впечатления сегодняшней весны. Озеро слегка тронуто ледяной коркой. Краски воды палевые, голубоватые. Так же божественно красиво вокруг. Сидим на берегу в одном из многочисленных севанских ресторанчиков. Подают жареного сига. Красный, как кирпич. И так же, как кирпич, лишен влаги и жира. Да, суховат. Но ничего, можно есть. Лососевая все-таки рыба...

А форель? Форели нет. Не в ресторане, а в Севане нет ее. Зато есть Севанский рыбокомбинат. Это абсолютно без всякой иронии. Какая тут может быть ирония, когда вот «простыня» с цифрами, которую показывает плановик комбината Бабкен Аветисович Мазманян: в 1941 году в Севане выловили 5063 центнера форели, в 1961 году — 2300 центнеров, в 1971-м — 713 центнеров, а в 1981-м — ничего. Лов запрещен. И вот ведомственный журнал Министерства рыбного хозяйства, в котором сказано, что приказом Минрыбхоза СССР устанавливается перечень морских млекопитающих, рыб и водных беспозвоночных, записанных в Красную книгу СССР с 1 января 1983 года. В перечне — севанская форель.

Итак, севанская форель угодила в Красную книгу.

А откуда сиг? Эта история стародавняя. Сиг лудога из Ладоги. Вместе с чудским сигом его забросили в Севан аж в 1925 году. Из научного интереса. Чудской не прижился, а лудога — да. Сначала вел себя очень скромно, а лет через двадцать пять вдруг начал процветать на севанском зоопланктоне. Пошли промышленные уловы. В 1961 году — 1835 центнеров, в 1971 году — 4263 центнера, а в начале 80-х годов, когда форели вовсе не стало, сига вылавливается по 10—11 тысяч центнеров в год. В Севане уже не хватает корма. По данным Севанской гидробиологической станции Академии наук Армении, упитанность сига снизилась вдвое. Вот именно тот самый сухой «кирпич» в ресторане...

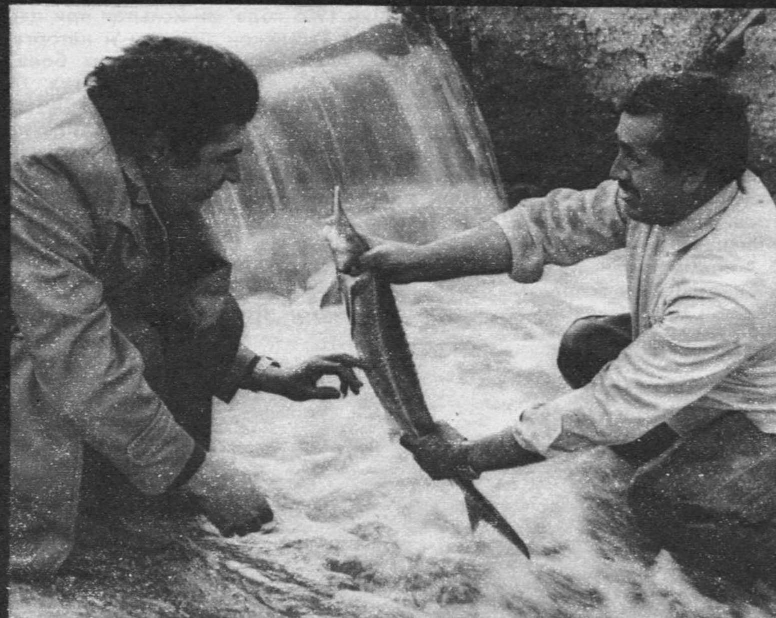
— Что происходит? — спрашиваем ихтиолога станции кандидата биологических наук Александру Ивановну Смолей.

— Надо увеличить лов сига из озера, чтоб оставшимся пожирнее жилось.

— А какова судьба «аборигенов» озера, севанской форели, выжитой сигом?

— Нет, вы не правы. Никто никого не выживал. Они вполне могли сосуществовать. Но дело в

Вот какой бестер получился!.. Удавшийся экземпляр гибрида рассматривают главный рыбовод Масисского рыбокомбината Владимир Ильич Хаджев и рыбак Абдула Абдулаев.

Севан.

В долине Арарата...

Хозяйка прудов Лидия Долминян.

Молодой рыбак Гаро Маркосян.

том, что в связи с энергетическими потребностями республики уровень озера опустился на 19 метров, объем воды в нем уменьшился более чем на сорок процентов. Правда, сейчас пуск канала Севан — Арпа приостановил этот процесс. Но дело сделано: нарушились биогенные, температурные, кислородные режимы, вода в Севане «зацвела» бесполезными для форели водорослями. Рыба потеряла в озере свои нерестилища — они высохли. Выход один: целиком отлавливать форелей, нерестящихся в реках, и вести их воспроизводство искусственным путем. Для этого и рыбокомбинат с заводами. Маточное стадо на этих заводах уже доведено до миллиона штук форели.

Последнее, разумеется, внушает некоторый оптимизм. Но ясно одно: того севанского жирного ишхана с благородным розовым мясцом нашему поколению, пожалуй, уже не видать. Tempora mutantur, как говорили древние римляне: «Времена меняются».

А пока самое главное оставить Севан в покое, дать ему прийти в себя от всех передряг, которые с ним случились. Ведь дело не столько в том, что он стал меньше площадью или опустился уровнем (все равно он красавец!), а в том, что из горного озера с кристально чистой, богатой кислородом водой превратился в водохранилище. А это рангом ниже. И вот с этим уже мириться нельзя. Ему надо вернуть титул, качество озера. Тогда, возможно, вернется и царственный севанский ишхан.

Теперь это понятно всем: с Севаном надо вести себя предельно осторожно. Поэтому гидробиологи Севанской станции ныне погрузились в особо тщательное изучение Севана, разделив озеро на 36 квадратов, где ведутся комплексные исследования его жизни. Не повлиял бы только новый пришелец по недавно построенному каналу: Арпа — двадцать девятая речка, впадающая в Севан со своей водой, флорой и фауной.

Кстати, о речках Армении. В самом деле, Армения — самая маловодная республика. Нет у нее рек, а все только мелкие речки струятся по склонам гор, по ущельям, стекают в долины. Но, согласитесь, что и из маленького крана, если проявить терпение, можно набрать много воды!

А для чего много воды? Для нее же, для рыбы, для форели, карпа, толстолобика... Начав свой репортаж с воспоминаний прошлого, подогретых красотой озера, запахом рыбачьего костра, давайте-ка уже «спустимся на землю», в буквальном смысле, спустимся в Араратскую долину. Удивительные вещи можно увидеть сегодня здесь.

Крохотные, большей частью безымянные речушки медленно, но верно наполняют громадные бассейны и стогектарные пруды. А в бассейнах и прудах — рыба. Много рыбы. Сам по себе факт не удивительный, если не знать, что плюс к маловодным речкам Армения еще и малоземельный край. Не роскошь ли отдавать под прудовую рыбу две с половиной тысячи гектаров такой великолепной долины?

Нет, не роскошь, а, напротив, большая целесообразность. Потому что именно этот кусок долины — сплошные, сильно засоленные земли. Расти на них почти ничего не может, затраты на рассоление очень велики. А тут собрали воду, она дает рыбу. Глядишь, с годами-десятилетиями вода эта сама рассолит почву, сделает ее пригодной для земледелия. Вот сколько сразу решается проблем!

В долине сегодня много рыбоводческих прудовых хозяйств. Все они по объему рыбной продукции равны трем Севанам.

В одном хозяйстве возле села Ранчпар девять больших нагульных прудов и восемь выростных, в них карпы, толстолобики, белый амур. И новинка здешних мест — рыба бестер, гибрид белуги со стерлядью.

Ехегнутское хозяйство целиком карповое, за победу в нынешнем году во Всесоюзном социалистическом соревновании отмечено первой премией и переходящим Красным знаменем Минрыбхоза СССР и ЦК профсоюза рыбной промышленности. Здесь с одного «голубого гектара» получают почти на двести килограммов отменного карпа больше запланированного. И мы видели, как на железнодорожной станции Советакан грузили эту трепещущую продукцию в живорыбные секции, чтоб через несколько дней тонны ее поступили в рыбные магазины Москвы.

В местечке Акналич состоялась долгожданная встреча с радужной форелью. В 69 длинных бассейнах шумели пышные фонтаны (форель любит игру воды!) и прыгали резвые семидесятиграммовые «годовички». Резвиться им здесь и взрослеть еще до конца года. Акналич дает 80 тонн форели в год!

Вот так Араратская долина пришла на подмогу захворавшему Севану, взяв на себя (временно, наверно?) его миссию — дарить людям форель. Правда, Севан дарил, а из пруда, как говорится, не вытянешь рыбку без труда: десятки всевозможных сложнейших процедур, заботы с кормами тянет за собой искусственное воспроизводство.

И все-таки пусть прудовая, но есть в Армении форель, есть вдоволь всякой рыбы араратской, есть араратские рыбаки!

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. КОЖЕВНИКОВА

ГЕРОЙ — ЧЕЛОВЕК

Юрий ПУХОВ

•

Встреча с каждой книгой известного советского писателя, Героя Социалистического Труда Вадима Михайловича Кожевникова — это знакомство с новыми интересными характерами, открытие еще неведомых сторон окружающего нас мира, человеческих мыслей, переживаний, деяний и отношений. Такие открытия несут в себе и прежние произведения писателя — лучшие его рассказы предвоенных и военных лет, романы и повести мирного, послевоенного времени. Этим же качеством наделены и его сегодняшние книги.

«Корни и крона» — так назвал Кожевников последний по времени роман, вобравший огромный творческий опыт писателя. Приметами современности наделены действующие лица этого романа, посвященного жизни многолюдного заводского коллектива. В центре его образы рабочих, а на переднем плане славная рабочая династия Должиковых, больших мастеров своего дела. Они трудятся на металлургическом заводе, который стал для них родным домом.

«Каждый Должиков отличался особым характером, профессии у всех были разные, внешне они не слишком походили друг на друга, но на заводе их всех одинаково уважали и ценили за мастеровитость, считали зубастыми, потому как, если дело касалось интересов производства, они, не сговариваясь, выступали всегда единомысленно...»

Труд почти для всех героев романа — мерило духовных и нравственных ценностей человека, смысл жизни, и это роднит их с героями многих из прежних, близких по теме произведений писателя. Такой подход к людям, такая авторская позиция сформировалась у писателя в процессе долгих лет творчества, в тесной связи с жизнью народа, рабочего класса.

Родился Кожевников в сибирском городке Нарыме в 1909 году, куда были сосланы его родители за революционную деятельность: «Мать по делу подпольной типографии в Москве на Лесной улице, в 1906 году, отец в этом же году по делу Ростовской организации РСДРП».

«С детства, — рассказывал Кожевников, — я слышал ожесточенные споры о политике, о жизни и путях страны, народа, о войне и мире, о земле и воле... И, насколько удерживала моя память, в разговорах всегда возникало слово «Ленин». Среди друзей нашей семьи было много людей, которые хорошо знали Владимира Ильича...»

В середине двадцатых годов Кожевников приехал в Москву, поступил на рабфак, а затем на литературно-этнологический факультет Первого Московского государственного университета. После окончания его он работал разъездным корреспондентом газеты «Комсомольская правда», журналов «Смена», «Наши достижения», «Огонек», часто выступал с очерками, статьями. Еще в студенческую пору он начал пробовать свои силы в художественной прозе.

Уже в ранних рассказах наряду с другими молодыми писателями тех лет он стремился запечатлеть героическую эпоху созидания. «Свой писательский путь я начал с непосредственного участия в создании нашей промышленности в годы первых пятилеток. Стройки Кузнецка, Краматорска определили и мой дальнейший путь. Тема промышленности стала навсегда главной в моем творчестве».

Творчество В. Кожевникова было замечено А. М. Горьким, рядом других известных литераторов, а на Первом съезде советских писателей в докладе «О литературной молодежи нашей страны» В. П. Ставский назвал среди талантливых произведений молодых прозаиков и его рассказ «Сто марок». Несомненно, эта оценка окрылила автора, воодушевила.

Немалую роль в творческой судьбе Кожевникова сыграл автор романов «Разгром» и «Последний из Удэге». А. Фадеев в то время был редактором журнала «Красная новь». Он почувствовал незаурядное дарование литератора и помогал ему словом и делом: читал его работы, редактировал, печатал в своем журнале.

Накануне Великой Отечественной войны Кожевников вместе с другими литераторами прошел военные сборы, а 23 июня сорок первого получил назначение в газету Западного фронта «Красноармейская правда». С 1943 года он военный корреспондент газеты «Правда», бывает в самых горячих точках сражений, пишет не только репортажи, корреспонденции, а очерки, рассказы о людях ратного подвига.

Критики справедливо из множества рассказов писателя особо выделяют рассказ «Март-апрель», напечатанный в «Комсомольской правде» осенью 1942 года, ставя его в ряд выдающихся произведений советской литературы военных лет.

Рассказ «Март-апрель» вызвал бурный отклик. Тысячи писем с фронта и тыла пришли в редакцию газеты. И через месяц рассказ издали отдельной книжкой миллионным тиражом, которая мгновенно разошлась среди читателей.

Вспоминая войну, писатель не раз говорил еще о такой особенности своего творчества: «В годы войны мне посчастливилось почувствовать то удивительное родство, которое было присуще фронтовикам, удалось увидеть всю их человеческую красоту, действительно прекрасную мораль советских людей. И в послевоенное время я видел этих людей в войсках, у мартеновских печей, у прокатных станов, в цехах, где рождается новая техника, на стройках колоссальных живых массивов. Именно такие люди двойного подвига — фронтового и трудового — стали героями моих книг: Петр Рябинкин, Степан Буков, Елкин, Балуев. Те, кто остается героями на переднем крае пятилеток, так же, как когда-то

ТРУДА

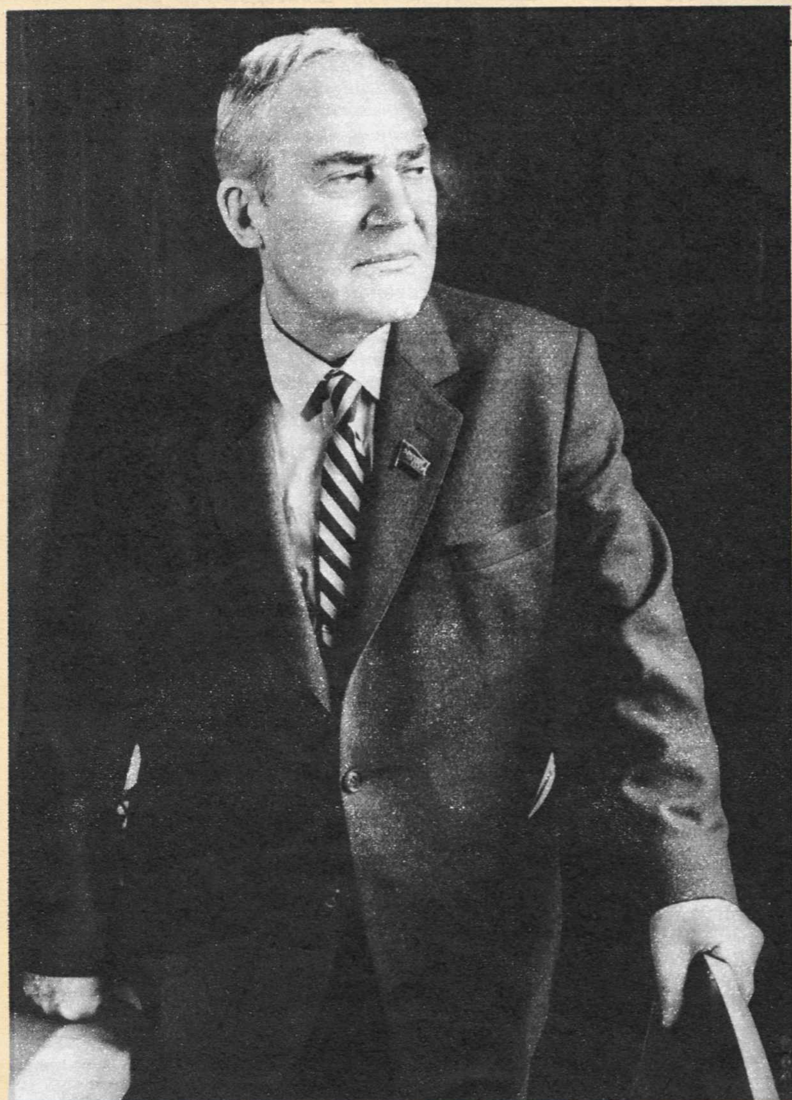

Фото М. Савина

стояли насмерть на поле битвы».

Реальность, жизненность рассказов Кожевникова тонко подметила М. Шагинян в рецензии на его сборник, вышедший в 1946 году. «В чем школа мастерства Кожевникова?— задавала она вопрос и отвечала:— Мне думается, в долгой, напряженной и честной работе с «натуры» в том ее смысле, как понимают это живописцы. Натура, живая натура во всем — и в типаже, и в происшествии, и в месте действия. Рассказы Кожевникова не выдуманы, не сочинены. Но уменье написать «натуру», отобрать основное в ней, вычеркнуть все лишнее, никогда не скупиться вычеркивать — это трудная и настоящая школа искусства».

В середине пятидесятых годов многие наши писатели обратились к революционной истории, в которой находили четкие и ясные ответы на проблемы современности. Те же мотивы стали побудительными причинами обращения Кожевникова к прошлому в романе «Заре навстречу».

«Мне хотелось рассказать читателям, особенно молодому поколению, о том, что мы не случайно сокрушили гитлеровскую Германию, выиграли величайшую из битв на земле...— писал он.— Моей целью было дать читателю почувствовать, что современность — это итог прожитого и свершенного за десятилетия, что нашим дням предшествовала колоссальная работа, титаническая по своему размаху и глубине, работа, которую возглавляла и направляла на всех этапах партия коммунистов, воспитанных Лениным».

Большой интерес вызвал роман Кожевникова «Щит и меч» о подвиге советских разведчиков в глубоком тылу фашистского рейха. Остроконфликтный приключенческий сюжет, динамичность действия, широта охвата действительности, психологизм в изображении героев — все это делает «Щит и меч» увлекательным, интересным произведением.

«Лично меня как писателя всегда влечет неизвестное, то, к чему никогда не прикасался, над чем не корпел,— признавался в одной из бесед Вадим Кожевников.— Именно поэтому родился «Щит и меч». Хотелось проникнуть в психологию советского разведчика, исследовать, при каких условиях закалялась его воля, стойкость, что делает непоколебимой его веру. Святой долг писателя — оставить потомкам правдивый портрет своего времени. Стараться идти вместе с будущим». И надо отдать должное — авторский замысел нашел удачное воплощение в этом романе. Ну, а долг писателя, как понимает его Кожевников, продолжает исполняться во всем его творчестве вплоть до наших дней.

Вадим Михайлович постоянно обращается к животрепещущим темам современности, просвечивая их, можно сказать, памятью войны. Его повести «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение», удостоенные в 1971 году Государственной премии СССР, посвящены людям, представляющим советский рабочий класс. Их героические характеры проявляются в условиях фронтового быта и мирных дней.

Кожевников, часто бывая, как он говорил, «на разных меридианах, на знойном юге и в Заполярье», вынес богатые впечатления от общения с тружениками заводов, строек, полей. «Но вот ведь в чем дело,— подчеркивал он,— какими бы непохожими ни были ландшафты, где действуют мои герои, в самом поведении, в характерах этих героев есть много принципиально общего... в каких бы обстоятельствах они ни были, внутренне очень похожи между собой и не являются исключительным явлением среди советских людей». Именно эту особенность он и воплотил в героях повестей «Белая ночь», «Пустыня», «Полюшко-поле».

Сегодня Вадим Михайлович Кожевников, как и в прошлые годы, неизменно находится на переднем крае жизни и литературного фронта, о чем свидетельствует его новый роман «Корни и крона», его боевая, страстная, партийная публицистика. Ему, как и прежде, не изменяет чувство сопричастности ко всему, чем живет наш народ. По-прежнему он близок народной жизни. И этому немало способствует его государственная и общественная деятельность, ответственная работа народного депутата. Пятый раз В. М. Кожевникова избрали депутатом Верховного Совета СССР по Булунгурскому округу Узбекистана. Его хорошо знают и высоко ценят избиратели — хлопкоробы Ферганской долины и рабочие Самарканда, животноводы Бухары и рыбаки Арала, которым он посвятил немало ярких публицистических статей и очерков.

Вот уже тридцать пять лет Кожевников бессменно возглавляет литературно-художественный журнал «Знамя», со страниц которого вошел в литературу не один молодой писатель. Много сил он отдает и работе секретаря правления Союза писателей СССР.

«Будем помнить, что искусство — могучее средство влияния на человека, на его мировоззрение, на всю его духовную культуру. Новое в человеке — новое в литературе...» И произведения Кожевникова, воспевающие труд, снискали себе широкое признание. Они служили и служат, вливаясь в общий поток литературы социалистического реализма, нашему народу в его борьбе за коммунистические идеалы и нормы жизни.

среди книг

ЗОНА ВЗРЫВЧАТОЙ СИТУАЦИИ

Зона Персидского залива — «нефтяное сердце» современного капитализма. Естественно, что страны этого региона в центре захватнических планов США, блока НАТО. В то же время народы государств Персидского залива давно перестали быть пассивным объектом интриг империалистических держав; идеи национального освобождения в одних из этих государств перерастают в стремление к социалистической ориентации, в других — социально-политические движения используют религиозные, мусульманские одежды, лозунги возвращения к «истинному исламу».

Эти и многие другие проблемы глубоко, всесторонне анализируются в книге известного советского ученого-востоковеда и публициста А. М. Васильева «Персидский залив в эпицентре бури».

Актуальность книги А. М. Васильева более чем очевидна: сейчас разгорелись самые кровопролитные бои со времени начала войны между Ираном и Ираком три с половиной года назад, боевые корабли США и Англии вошли в Персидский залив, американский эсминец открыл огонь по иранским самолету и фрегату в Заливе, ситуация в зоне, непосредственно расположенной к югу от границ Советского Союза, приобретает, как правильно отмечает в своей книге автор, «чудовищно опасный аспект взрывчатой ситуации».

А. М. Васильев четко определяет главную причину обстановки, угрожающей миру во всем мире в районе Персидского залива. Он пишет: «Бассейн Персидского залива Запад — сначала в лице Великобритании, а затем США — долгие десятилетия считал своим заповедником. Значение его выросло настолько, что в Вашингтоне весь Ближний и Средний Восток объявлен «третьей центральной стратегической зоной» наряду с Западной Европой и Дальним Востоком. А в первые дни 1983 года создали специальное «центральное командование», в сферу действия которого включено 19 стран — от Ирана и Афганистана на севере до Кении на юге. Американские «силы быстрого развертывания» получили военно-штабную надстройку и ясно поставленную цель — быть готовыми к вмешательству в зоне Залива. Весь обширный регион — с Персидским заливом в центре,— лежащий на стыке трех континентов, в глобальных планах Пентагона должен превратиться в антисоветский плацдарм».

Книга А. М. Васильева, уделяя большое внимание анализу агрессивного курса США, направленного на грабеж сырьевых ресурсов в зоне Персидского залива и на утверждение здесь своего военного присутствия, вместе с тем подробно рассказывает о сложной обстановке в регионе в целом, исследует развитие событий в странах Аравийского полуострова, значение краха шахского режима в Иране, органическую взаимосвязь проблем нефти и мировой политики.

«Персидский залив в эпицентре бури» — на сегодняшний день наиболее полное и интересное исследование о странах Персидского залива, перегруженного сложными конфликтами, в которые вовлечены империалистические державы.

Л. КОРНЕЕВ

Алексей Васильев. Персидский залив в эпицентре бури. М., Политиздат, 1983, 288 с.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

«АНДРЕЙ» ПРИВЕЗ ШАПКУ

— Я вернулся в отель и едва поспел к ужину,— продолжал свои показания Шелвадзе.— Не помню, чем объяснил опоздание. Говорил о своем хобби — бродить по улицам, где все дышит историей. Соврал, что покупал какие-то мелочи-сувениры. Все спешили на ужин, и никто не поинтересовался этими несуществующими сувенирами. Потом и вовсе забыли. Я со страхом ждал, что те двое, которые зашли выпить пива и видели меня с феей, начнут подтрунивать, расспрашивать или даже отчитывать. Но они молчали. Страх не прошел. Но я решил, что главный разговор будет в Москве. Однако и этого не случилось. Понемногу успокоился.

Так Нико Шелвадзе исповедовался следователю.

...Точно в условленный день в его квартире раздался телефонный звонок. «Андрей» — это был хромоногий испанец; он привез «шапку». В 22 часа господин Кастильо появился у себя в отеле, заглянул на несколько минут в буфет и ровно в 23 часа оказался на улице Жданова у дома номер 3. У входа в отель «Берлин» его ждал Нико. Он, как было условлено, держал в руках журнал и на вопрос, где ближайшая стоянка такси, кивнул головой в сторону своей «Волги»...

Маршрут продуман уже давно. Ленинградское шоссе, Химки, противотанковые ежи — памятное место, где остановили гитлеровцев в сорок первом. Машина юркнула под путепровод. Позади остались деревня Машкино, спуск, подъем, дорога в Новогорск. Свернули влево. Укромный уголок. Темень. Таинственно-глухо шумит на ветру лес. Тут, кажется, можно и «привал» устроить.

Хромоногий передал Шелвадзе деньги.

— Это за ваше золото.— И еще некоторую сумму: — Это за пустяковую услугу, которую вы окажете нам.

— Нельзя ли часть денег дать долларами?

Хромоногий улыбнулся.

— Хватка ястреба! Ну что же, в принципе не возбраняется. Но это, учитывая законы вашей страны, может привести к провалу. Вы не подумали о таком варианте? Как собираетесь реализовать доллары?

Шелвадзе усмехнулся. Главное — получить доллары. Остальное — его забота.

— Не беспокойтесь. Все будет о'кей!..

— Ну что же, доллары так доллары. Извольте, господин Шелвадзе. Мне кажется, что вы порядочный человек, на вас можно положиться. Хотя у меня на сей счет были большие сомнения.

— Какие?

— Я не был уверен в том, что окажусь с вами здесь за городом, а не на Лубянке. Ведь Лубянка рядом с отелем «Берлин», всего несколько шагов.— Кастильо понравилась его острота.— Так вот, друг мой, то, что мы встретились, и то, что эта встреча внесла ясность в наши отношения, закрепила узы дружбы между нами, дает основание надеяться на будущее плодотворное сотрудничество. Вас это облагораживает, а мне, не буду скромничать, делает честь: я выполнил задание шефа — установил с вами связь.

Хромоногий затянулся сигарой, помолчал, осмотрелся. Темень непроглядная, даже лица Шелвадзе не разглядеть. Однако почувствовал, как тот насторожился, нервничает.

— Так вот, господин Шелвадзе, мы будем просить вас о небольшом одолжении... Сущий пустяк... Никаких забот, и никакого риска...

— Какова суть этого пустяка?

Шелвадзе на какое-то мгновение умолк — нелегко выкладывать всю правду. Но Бутов не позволил затянуть паузу.

— Итак, какова суть того «пустяка»? Продолжайте...

— Вы журналист, литератор, у вас широкий круг знакомых,— увещевал меня Кастильо.— Может, вам удастся найти одного очень нужного нам человека. Вот возьмите фотографию. К сожалению, довольно старая. Отыщите его, сообщите адрес, и вы будете щедро вознаграждены.

— Предлагаете искать иголку в стоге сена? — спросил я.

Кастильо пожал плечами:

— Пусть будет так... И тем не менее вы должны проявить максимум находчивости.

— Когда был сделан снимок? — поинтересовался я.

— Ориентировочно — незадолго до окончания войны. Сколько лет этому человеку, подсчитать нетрудно.

— Что еще известно о нем? — допытывался я.

— Красив, бог не обидел его ростом. Ему прочили карьеру оперного певца... По национальности немец. Это все, что могу сообщить. Да, еще особая примета — нет мизинца на правой руке.

Разговор происходил в машине, и я не стал разглядывать снимок. Рассмотрел дома.

— Вы уже пытались найти этого человека? — спросил Бутов.

— Я нашел его.

Меньше всего Бутов ожидал такого ответа, и ему нелегко было скрыть изумление, нелегко ровным, спокойным голосом продолжать допрос.

— Каким образом?

— Опознал известного мне валютчика. При его участии в свое время я совершил несколько валютных операций. Это Александр Ружинский. Живет во Владимире, семьи нет. Нет и мизинца на правой руке. Дважды я был у него дома и в альбоме на журнальном столике увидел почти такую же фотографию, какую предъявил мне Кастильо: Ружинский в Москве в первые послевоенные годы. Хозяин дома смутился и почему-то отобрал у меня альбом. Я удивленно посмотрел на него, а он усмехнулся и сказал: «Не люблю демонстрировать своих любовниц. Это не по-мужски...»

— Вы успели сообщить Кастильо, что его задание выполнено?

— Да. При встрече в Малом Комсомольском переулке. Я передал ему адрес Ружинского.

...Клементьев и Бутов, внимательно перечитывая протоколы первых допросов гражданина Шелвадзе, обратили внимание на его разговор с Владиславом. Нико пытался выдать себя за «борца», но тот, судя по словам Шелвадзе, не поверил: «Вас ни одна радиостанция не возьмет. Вы же просто мелкий делец, валютчик...»

— А он тогда ловко отпарировал. Послушайте вот эту запись в протоколе: разговор Шелвадзе и Владислава. «Да будет вам известно, что наши отщепенцы — я-то их немного знаю, не одну бутылку коньяка распил с этой братией — в общем-то уголовники. Зарплата — для прикрытия, а живут за счет хозяев. Спекулируют всем: валютой и идеями, баснями о гонении на интеллектуалов и информацией о липовых забастовках, вроде той, что, по сообщению радиостанции «Свобода», якобы произошла в Рижском порту. В лужу сели! Так что зря вы меня отбрасываете. Думаю, что был бы весьма полезен вам».

Генерал отложил в сторону протокол допроса Шелвадзе, и в глазах его мелькнули иронические искорки.

— Что скажете, Бутов?..

— Откровенное признание. Однако не очень понятно: почему Шелвадзе все же не оставили на Западе?

— А зачем он им там? — ответил Клементьев.— Западной разведке нужен свой человек, который работал бы на них здесь. Такого заиметь труднее. А тут удача... Сразу раскусили и поманили — обещали года через два-три взять к себе, на Запад, когда уже и текущий счет в банке будет...

— Мда-а-а. Резон! — Бутов в общем-то был согласен с Клементьевым. И все же некоторые сомнения остались.

— А не беспокоит ли вас, товарищ генерал, некая поспешность противника? Без особых проверок — и сразу в дело.

— Пути разведки неисповедимы.

— Шелвадзе утверждает, что больше никаких заданий ему не давали. На прощание было сказано: «Придет время, мы встретимся с вами вновь. А пока наслаждайтесь жизнью». Темнит или говорит правду?

...Вот так, споря и анализируя, они «просвечивали» Нико. И каждое «затемнение» — объект исследований.

С санкции прокурора в квартире Шелвадзе произвели обыск. Была обнаружена иностранная валюта: американские доллары, английские фунты, западногерманские марки. Не осталось сомнений — спекулянт, валютчик.

Внимание сотрудников Комитета госбезопасности привлекла фотография в альбоме: молодой человек в штатском, но с военной выправкой держал газету, на правой руке не хватает мизинца. Одет он был в модный для начала сороковых годов костюм. Шелвадзе пояснил, что именно эту фотографию ему вручил Кастильо, когда просил разыскать человека, изображенного на снимке. Это был Ружинский в молодости.

— Вам, Бутов, надлежит разобраться, что это за личность — Ружинский. Покопайтесь в списках военных преступников, в архивах абверовской агентуры.

ОПЕРАЦИЯ С «ЗЕЛЕНЕНЬКИМИ»

Прилетев в Черногорск, Шелвадзе с аэродрома поехал к своей подруге Лизе. Она уже ждала: стол накрыт, но гостей нет. Так пожелал Нико.

Утром Лиза отправилась на работу, наказав любовнику: «Сиди дома и жди... Все будет в порядке. Есть надежный клиент».

На работе она пробыла недолго и ушла, предупредив, что, возможно, сегодня не вернется. Позвонила из автомата, посидела в кафе и, взглянув на часы, отправилась в парк на встречу с «надежным клиентом» — дамой, развившей бурную куплю-продажу перед отъездом на землю обетованную. Вместе с Лизой ее задержали в парке с поличным — незаконная валютная сделка. На первом же допросе «надежный клиент» показал: «Директор ювелирного магазина Лиза Королева, зная о моем предстоящем отъезде за рубеж, предложила купить четыреста долларов. Я обрадовалась и согласилась, пообещав: «О цене договоримся».

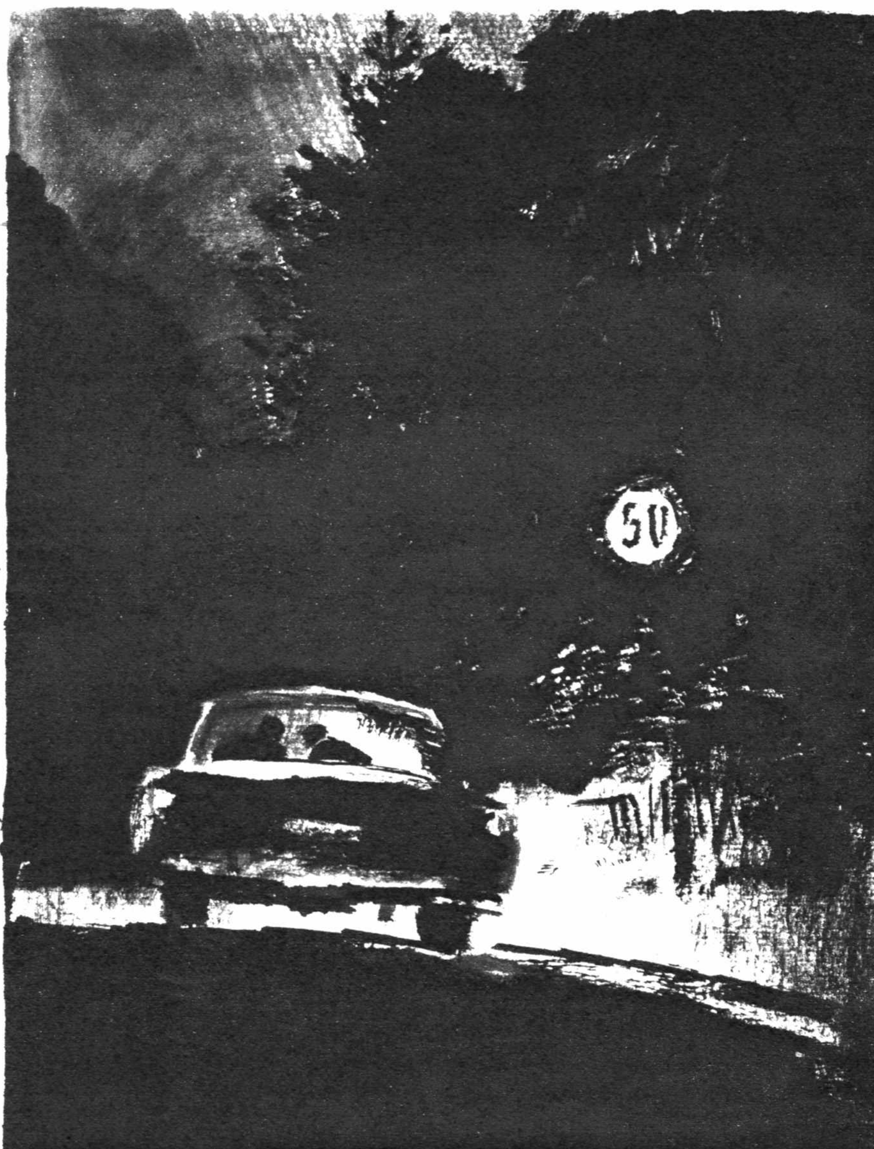
Лизе теперь ничего не оставалось, как признаться в том, что приехавший из Москвы ее давний друг попросил выполнить, как он выразился, «деликатную операцию» — реализовать четыреста долларов. «Откуда они у него — я не знаю».

...Незадолго до описанных событий в аэропорту на Колыме был задержан водитель с золотого прииска Николай Манухин. В потайных карманах самодельного расшитого бисером широкого пояса оказался килограмм промышленного золота.

На следствии Манухин показал, что золото

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—16.

он скупал у людей, работавших на съемке драгоценного металла с промывочных машин и аппаратов. Последнее звено «золотой» цепи находилось в руках некоего Александра Германовича Ружинского, с которым Николай познакомился в местном ресторане. Тот отрекомендовался москвичом, агентом по сбыту и снабжению организации, с которой, как выяснилось позже, он давно порвал, сохранив, однако, соответствующий документ.

Александр Германович поставил дело на широкую ногу. Субсидировал не только скупку золота, но и доставку его в Москву.

Высокий, спортивно сложенный, с хитрыми белесыми глазами, чаще всего спрятанными за модными дымчатыми очками, Ружинский по натуре и образу жизни — ловкий делец, авантюрист. Была в нем какая-то противоречивость. С одной стороны, это человек осторожный, боязливый, которому казалось, будто всюду его кто-то подстерегает, и порой он сам себя хватал за руку: «Опасно! Не суйся!» Но была в то же время какая-то неодолимая сила, увлекавшая его в омут всевозможных авантюр. Уж больно притягивала сладкая, легкая жизнь. «Артист» — кличка Ружинского — любил пофилософствовать о смысле бытия. И среди немногих жизненных правил было такое: «Не люблю любознательных: сам не сую нос в чужие дела и другим не советую».

Ружинский и Манухин встречались в Москве, на Курском вокзале, где и учинялся окончательный расчет. Предусматривался и запасной вариант на случай, если свидание на вокзале не состоится. В записной книжке Николая зашифрован адрес маленького городка на Украине, где жила любовница Ружинского. «Если не встретимся на Курском — лети к ней. Она все знает, примет, как дорогого гостя. Горилка будет, вареники будут, сало будет... И рассчитается сполна...» Позже станет известно, что любовница эта — одна из многих женщин, с которыми Ружинский, после того как его бросила жена, был связан не только постелью. Кто-то помогал сбывать золото, а кто-то знакомил с нужным человеком.

КАК ХЕЛЛЕР СТАЛ РУЖИНСКИМ

В одном из жарких подмосковных боев 1941 года рядовой Александр Хеллер, раненный в плечо, попал в плен. Фашисты бросили его в лагерь под Смоленском.

Ему повезло. Оказавшийся вместе с ним в бараке русский врач, тоже из военнопленных, быстро залечил рану.

А когда фашисты узнали, что он немец, москвич, работал радиотехником на заводе, его сразу же перевели в другой барак, где лучше кормили и даже давали по пачке сигарет на два дня. В начале ноября 1941 года начальник лагеря, обер-лейтенант Крюгер, торжественно объявил:

— Дни большевистской столицы сочтены. Еще одно усилие солдат фюрера — и она падет. Но чтобы ускорить падение и с меньшими потерями, нужны надежные помощники. Кто готов служить великой Германии и фюреру, запишитесь у меня.— И многозначительно добавил: — Не пожалеете.

Даже среди этого разношерстного сброда желающих служить фюреру нашлось немного. Тех, кто согласился, тут же развезли по разведывательным школам. Так Александр Хеллер очутился на окраине небольшого белорусского городка.

— Нам срочно нужны сведения из Москвы,— твердил, словно лаял, руководитель школы.— Какие и откуда подходят части, их вооружение, численность, места базирования полевых аэродромов, артиллерии, зоны сосредоточения войск, минные поля, их ограждения, проходы, настроение жителей Москвы... Для этого мы вас и готовим.

Абверовцы торопились. Обучение шло ускоренно. Агентов учили работе с радиопередатчиками и приемниками, шифрованию, тайнописи. Задание было сформулировано коротко и четко: внедряться в части Красной Армии или устраиваться на работу на оборонные предприятия. Учителя тут же подсказывали, как это сделать.

Неподалеку от Катыни, где расположился штаб абвергруппы, из наиболее отпетых головорезов готовили террористов. Их тоже нацеливали на Москву. За выполненные задания агентам сулили большие блага при будущем «новом порядке». Одному — кресло директора крупной московской электростанции, другому, уголовнику,— на выбор любую текстильную фабрику или магазин с товарами: владей, коли заслужил. Любителей сельской жизни прельщали большими наделами с батраками. Но все это после победы над большевиками. А пока надо точно и беспрекословно выполнять задания начальства, готовить себя к большой работе, чтобы приближать час победы фюрера.

Каждый агент давал письменное обязательство верно служить абверу. К нему прилагалась анкета с фотографией. Позднее к множеству заданий прибавилось еще одно, особо важное.

— У большевиков,— сказал шеф,— появилась ракетная пушка. Она применялась в боях под Оршей и в других местах. Если нападете на след,— шеф повысил голос,— можете больше ничем не заниматься! Нам нужны все подробности об этом дьявольском оружии русских: устройство, сколько имеется таких пушек, какие части вооружаются ими.

Речь шла о знаменитой «катюше», наводившей ужас на гитлеровцев. Фашистские военные разведчики тщательно и с пристрастием допрашивали военнопленных, пытаясь хотя бы по крупицам собрать кое-какие сведения о реактивных минометах. Но тщетно.

Казалось, предусмотрено все: и фиктивные документы, и легенды, и явки, и пароли, и крупные суммы денег для агентов. Однако при всем этом не учли, что в тяжелые для

См. стр. 30.

МГНОВЕНИЯ ВЕЧНОСТИ

Александр БАСМАНОВ

ПРОЛОГ

Мы сидели в кабинете, убранном мебелью старой карельской березы, и говорили о рукописях: об их абсолютной и относительной ценности, о сложностях их хранения, о человеческих страстях и драмах, возникающих вокруг них, об их значении в той или иной культуре, о громадной силе этих, в сущности, тленных, побуревших, часто перемаранных клочков бумаги.

Поскольку кабинет принадлежал некогда одному из самых старых московских музеев, необычность его меблировки воспринималась естественно, как, впрочем, был естествен здесь и разговор о рукописях: метрах в десяти под нами, в специально оборудованных подвальных закромах их хранилось великое множество — буквально миллионы чернилами, тушью, карандашом, гусиными перьями или шариковой ручкой, тончайшими кистями или стальной иглой исписанных листов пергамента, бересты, бумаги самого различного достоинства — почти прозрачной рисовой, английской выделки с водяными знаками, грубой и дрянной оберточной или просто страничек в линеечку, выдранных из школьных тетрадей.

Итак, мы — хозяйка кабинета, кандидат филологических наук Людмила Владимировна Тиганова, ее заместитель, кандидат исторических наук Виктор Иванович Лосев, старший научный сотрудник Вероника Валентиновна Огаркова и автор этих строк — сидели и обсуждали, как лучше рассказать об Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,— Отделе, знакомом почти всякому исследователю-гуманитарию в мире по аббревиатуре ОР ГБЛ.

Мы думали, как избавиться в рассказе от перечислительности, от в своем роде перебирания четок, где хоть каждое звено и бриллиант чистейшей воды, но нанизаны эти бриллианты на одну закольцованную нить вечности и перебор их бесконечен, а стало быть, и монотонен, несмотря на свой ослепительный блеск. С чего начать, чем закончить оду этой сокровищнице, этому действенному институту человеческой мысли и духа (в том-то и дело, что они постоянно востребуются учеными всего земного шара), где самый древний документ относится к VII веку, а самый новый — чуть ли не к нашим дням, где лежит рукописное Архангельское Евангелие 1092 года, лучший из сохранившихся списков Киево-Печерского патерика, единственный в своем роде сборник сочинений Максима Грека (возможно, собственноручно им написанный), важнейший для нашей истории договор Новгорода с Ганзой и Государев родословец, составленный при Иване Грозном, где средневековая Европа представлена великолепными миниатюрами, рассыпанными в итальянских и французских часословах, рукописями Джордано Бруно, Коперника, Саллюстия, а Европа новая — рукой Гете, Верди, Флобера, Гюго, Бальзака, Вагнера, где хранятся свитки на языках Индии, японском, китайском и персидском, а то и вовсе на таком загадочном языке, что до сих пор специалисты бьются и не могут понять, какому народу и времени он принадлежит, где в папках уложены письма, черновики, дневники Рылеева, Чаадаева, Лермонтова, Ломоносова, Державина, Кутузова, Карамзина, Глинки, Тургенева, Фета, Тютчева, Жуковского, Огарева, Герцена, Петра I, Суворова, Гоголя, Достоевского, Чехова, Блока, Чайковского, Репина, бумаги аристократов, философов, полководцев, богословов, композиторов, писателей, художников, только от значимости и количества имен которых может закружиться голова?

И тогда мы решили показать читателю несколько документов из разных столетий, впаяв их содержание в соответствующие факты и картинки нужной в том или ином случае эпохи. И, может быть, мы специально не выбирали рукописей, отражающих ударные, решительные моменты русской жизни и культуры, чтоб показать, насколько важно для человечества то, что впрямую связано с понятием памяти и что зовется «банком данных», насколько важна для истории почти всякая долетевшая до нас весть из прошлого и насколько ответствен для потомков пост ее хранителя.

СПЕКТАКЛЬ

Новая жизнь приготовлялась в России задолго до Петра I. Царь Алексей Михайлович, последний из царей древней традиции, уже двойствен: страстный любитель церковного пения и устава он тем не менее, перенимая заморскую моду, устраивает «бесовское соблазнительное игрище» — первый русский постановочный спектакль, тот самый, с которого следует отсчитывать теперь историю нашего профессионального театра.

Итак, осенью 1672 года на дворцовой сцене была представлена в лицах огромной труппой и с хором библейская легенда о всесильном персидском царе Артаксерксе, его обожаемой жене Есфири, воспитанной мудрым Мардохеем, и о хитром и завистливом вельможе Амане: бушевали страсти, плелись интриги, боролись в смертельной схватке темные и светлые силы, и сокрушалась гордость, и смиренная, героическая, нежная Есфирь торжествовала полную победу верности и подвига. Текст этой уникальной пьесы был найден тридцать лет назад в Вологде замечательным филологом и непревзойденным знатоком рукописной Руси Ильей Михайловичем Кудрявцевым, и теперь «Артаксерксово действо» в своем тисненом, красного сафьяна переплете и с золотым обрезом лежит в ОР ГБЛ, в фонде № 354, единицей хранения № 208 к услугам всех славистов, лингвистов и театроведов. Сюжет, разыгравшийся вокруг создания этой рукописи и, соответственно, вокруг первой русской постановки, любопытен — напрягайте зрение и прислушивайтесь: мы подымаем занавес над подмостками XVII века.

Идея театра давно витала в воздухе: умница Артемон Матвеев, друг царя, издатель, дипломат и книжник, делал все для «постройки комедии» не хуже иноземной, но формальным толчком к устройству первого представления было пышное торжество, ожидавшееся по случаю предстоящих родов царицы Натальи Кирилловны. Поначалу его решили приготовлять в Кремле, и весной 1672 года наемный полковник германец фон Стаден ускакал с указом в Курляндию: взять там «2 человека трубачей самых добрых и ученых, 2 человека, которые б умели всякие комедии строить». Однако с таким долгим исполнением новой затеи было ждать невтерпеж и невозможно, и потому обратились на Кукуй, в Немецкую слободу, к тамошнему первейшему литератору и магистру Иоганну Грегори, хорошо известному своими талантами как всесильному Матвееву, так и самому государю. За дело Грегори взялся крепко — ставить решили библейскую книгу Есфирь.

Вся эта подготовка велась с расчетом на «Комедийную хоромину», возводимую уже не в Кремле, но в Преображенском. Оно, Преображенское, по удобству и роскоши, конечно, не могло равняться с Кремлем или Коломенским, но лучшая здесь соколиная охота сделала для царя это место самым приятным.

17 октября состоялось первое представление «Артаксерксова действа», которое царь смотрел в «продолжении целых десяти часов, не вставая с места».

Об ошеломительном успехе представления свидетельствуют и указы о награде: «взять в Посолский приказ сорок соболей во сто рублев да пару в 8 рублев, а из Посолского приказу отдать те соболи его великого государя на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедийное строенье, что о Артаксерксове царствовании...». А в начале апреля 1673 года, на пасхальной неделе, случилось и вовсе нечто неслыханное: царь принял всю труппу во дворце. Тогда же, видимо, был изготовлен для Алексея Михайловича и роскошный список пьесы — переплетенный в сафьян с золотым тиснением, на гербовой александрийской бумаге страсбургской фабрики, с буквицами, каллиграфически выписанными киноварью.

История первого русского спектакля интересна не только сама по себе, но и своей политической, дворцовой конкретной подоплекой: Артаксерксом представлялся публике сам государь, Наталья Кирилловна была московской Есфирью, Матвеев, занимающий первое положение при дворе,— Мардохеем, сменявшим строптивого начальника Посольского приказа Ордина-Нащокина, выведенного теперь Аманом: жизненная острая тема переводилась в вирши, умышленно иллюстрировалась, и оттого уместно будет дать ей сегодня продолжение: после смерти Алексея Михайловича обвиненный в чернокнижии Матвеев был сослан в Пустозерск; и «Артаксерксово действо» с его персонажами, столь напоминающими реальных и всем известных лиц, естественно, больше никогда не игралось. Великолепный же его список скорее всего был взят опальным министром на память в ссылку с наиболее дорогими ему вещами. Но дорога оказалась дьявольски трудна, и потому, «что ни взято было, и та запасенка переменами, переволоками, горами, водами, порогами потоплено, помочено, погнило, рассыпано, разбросано, раскрадено, с голоду разтерено, мало что до Пустозерскаго довезено». Среди того, видимо, что оказалось «разбросано, раскрадено», был и фолиант в красном сафьяне, выплывший через триста лет в Вологодской областной библиотеке.

Илья Михайлович Кудрявцев из ОР ГБЛ являлся в текстологии корифеем: он тщательнейшим образом расшифровал писание, определил почерки, проанализировал и свел разночтения и научно подготовил рукопись к печати, переменив предварительно начертание некоторых архаических литер на современные.

ПРОТОТИП

Вначале упомянем Пушкина. В декабре 1823 года он спрашивал Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны». Слух об осмеянии Чаадаева был вздором, и Пушкин, как известно, убедился в этом вздоре сразу, как только выслушал «Горе от ума». Но слух о Чаадаеве не единственный: тут оказалось столько ярко похожих на реальных людей типов, что догадки целым роем поднялись над пьесой. Не раздумывая, москвичи любопытствовали знать одно: «на какие именно лица написаны роли».

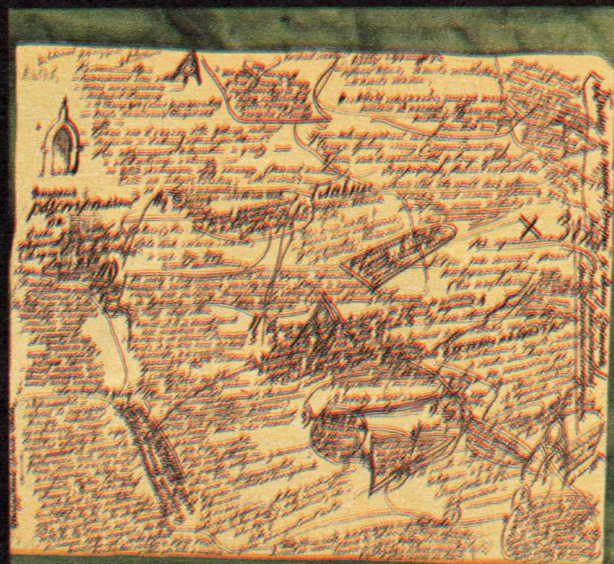
В 1823—1825 годах об этом спорили на «обедах, ужинах, и танцах» и, конечно же, в Английском клубе. Споры были восхищенные, злорадствующие, были и обиженные. Розыски натурщиков, по-видимому, встревожили сестру Грибоедова, Марью Сергеевну, и она вспоминала: «Я предупреждала Александра, что он с комедией наживет кучу врагов себе, а еще более мне, потому что станут говорить, что злая Грибоедова указывала брату на оригиналы». «Да какие же оригиналы?» — спросил он.

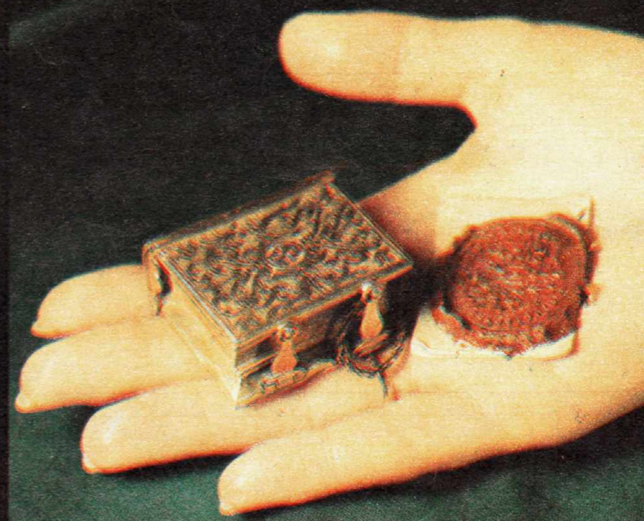
●

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина — «Пашков дом» * П. Рычков. Рукопись о Е. Пугачеве. Конец XVIII в. Архив гр. Паниных * Ф. М. Достоевский. План романа «Братья Карамазовы» * Молитвенник, принадлежавший Наталье Нарышкиной, матери Петра I. 1652 г. * «Возделывание риса». Рисунок на шелке. Китай XV—XVI вв. * «Искусство риторики», написанное рукой М. В. Ломоносова. 1733—1734 гг. * «Житие Сергия Радонежского». Миниатюра с изображением Куликовской битвы. Конец XVI в.

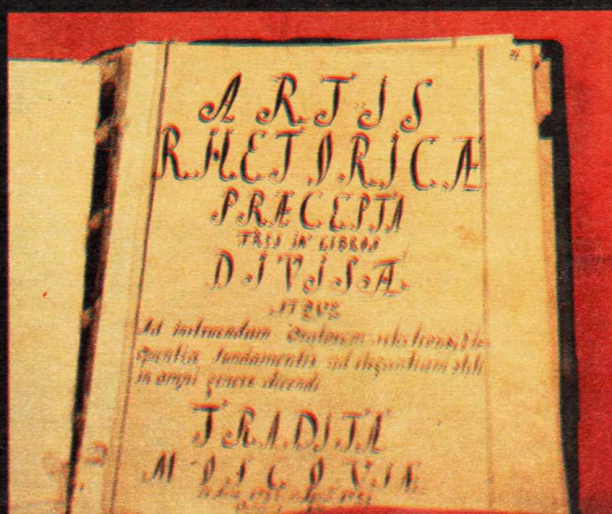
Фото М. САВИНА

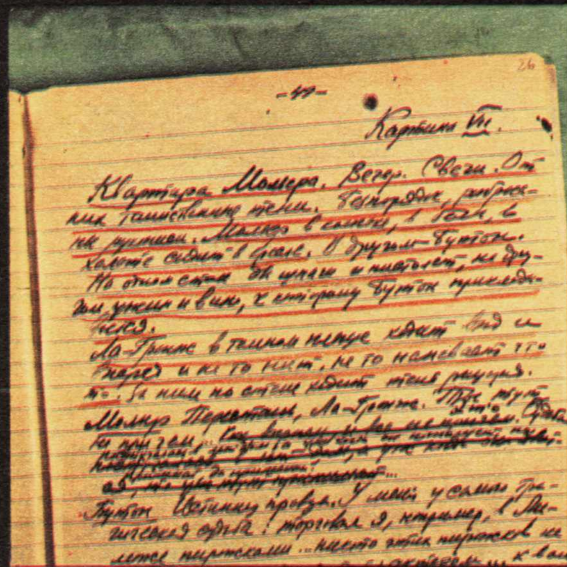

ARTIS
RHETORICAE
PRAECEPTA
TRES IN LIBROS
DIVISA
TRADITA

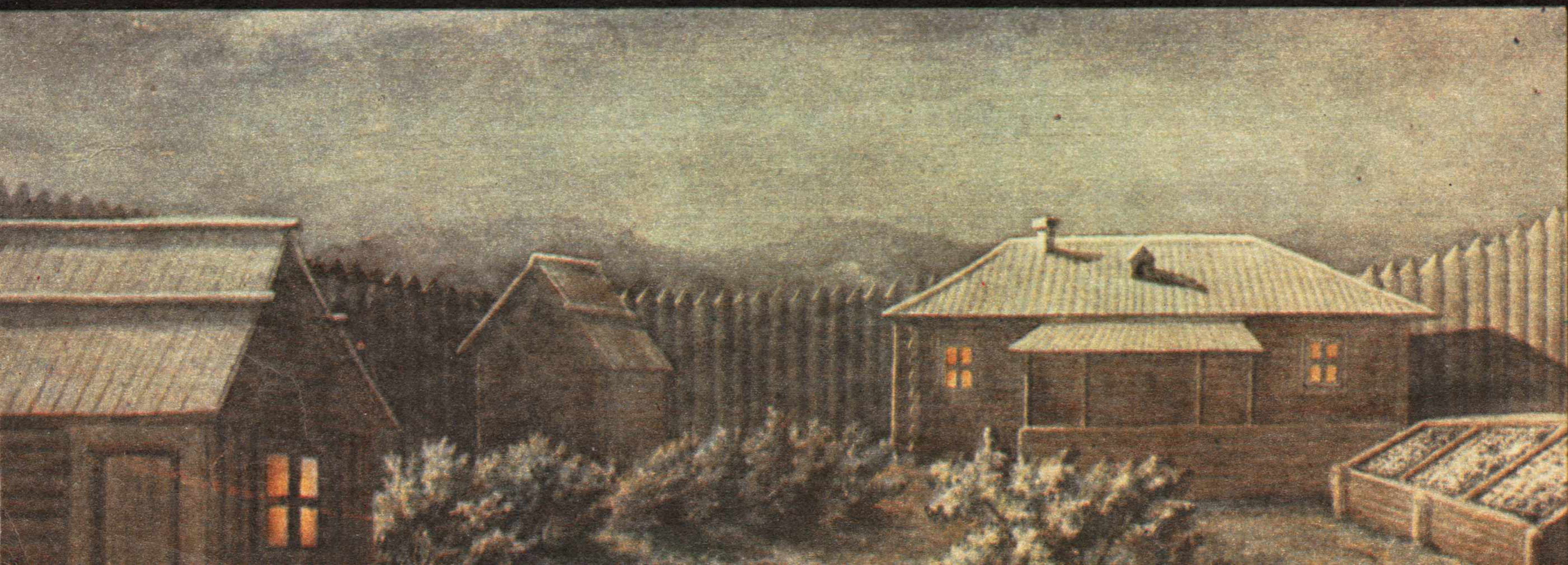

-41-

Картина III.

Квартира Мольера. Вечер. Свечи. От них таинственные тени. Беспорядок, разбросаны рукописи. Мольер в колпаке, в белом, в халате сидит в кресле. В другом — Бутон.

«Помилуй, да ведь твои Тугоуховские разве не Ш-х-ские?» — «Я твоих Ш-х-ских и не знаю»,— отвечал он».

Но один натурщик, очерченный в монологе Репетилова, не вызывал сомнения:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист,—
Да умный человек не может быть не плутом...

Насколько спорны другие, настолько бесспорен здесь Толстой-Американец. В ОР ГБЛ есть свидетельство этому, а именно: подтверждение самого Толстого-Американца — писарской список «Горе от ума», хранившийся ранее Николаем Кирьяковичем Пиксановым, крупнейшим исследователем творчества Грибоедова. Еще ранее принадлежал список князьям Шаховским (как определено, действительно Тугоуховским), теперь же он в фонде № 218, в картоне № 59, единицей хранения № 12, и мы открываем его на странице явления IV — тут и есть цитированная нами строфа.

Против слов: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, И крепко на руку нечист» Толстой-Американец своим несколько корявым почерком сделал замечание. Он предлагал переиначить: «В Камчатку чёрт носил», ибо, как пояснял,— «сослан никогда не был»; строка «И крепко на руку нечист...» заменена на «в картишках на руку нечист» и сделана сноска: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере я думал отгадать намерение автора». Возникает вопрос: как наблюден этот человек?

Вопрос праздный: графа Федора Ивановича Толстого-Американца нельзя было не знать; уместно и нам теперь напомнить о его судьбе. Опасный бретер, он попадал из пистолета в муху на стене, фехтовал лучше всех и мастерски рубился на саблях. Выучился в морском кадетском корпусе, но служил отчего-то в гвардии, в Преображенском полку, причем служил, как сам говорил, «зигзагой»: за шутки сомнительного достоинства, полное небрежение дисциплиной, крупную карточную игру — в один год был дважды разжалован в солдаты.

Как он попал под паруса «Надежды», в экспедицию Крузенштерна? Знать теперь трудно, как трудно знать и то, отчего этот человек одним из первых в России вместе с Гарнером поднялся на воздушном шаре. Но так или иначе, в августе 1803 года граф, по иронии судьбы, фигурируя в судовом журнале в качестве «молодой благовоспитанной особы», отправился в кругосветное плавание. Тут же выяснилось: буйный нрав его не дает никому покоя — «благовоспитанная особа» перессорила всех офицеров и матросов, напоила до положения риз корабельного священника и припечатала к палубе бороду последнего сургучом и казенной печатью; далее Федор Иванович научил корабельную обезьяну замазать чернилами все научные записи Крузенштерна, наконец, тот же Толстой развел среди команды такую анархию, картежную игру и пьянство, что на Алеутских островах, волею командира, был попросту высажен, на несчастье местных туземцев, среди которых продолжал бедокурить, пока какой-то европейский корабль не подобрал его — «татуированного с головы до ног».

«Американец» пробыл некоторое время в Америке — за что и получил столь странное прозвище — и возвратился домой через Петропавловск, через всю Россию, доподлинно известно: пешком.

В 1808 году он — поручик гарнизона Нейшлотской крепости, рисковый бомбардир в краткой-блиц шведской компании, в 1809-м — разжалован за дуэль и сидит в Выборгской тюрьме, в 1812-м — участник Бородина, возвращает себе чин, ордена и безумной храбростью получает золотого Георгия.

Есть свидетельства, что им было убито на дуэлях одиннадцать человек, есть свидетельства, что он был «нечист на руку» и выигрывал огромные суммы: все деньги от карт шли на кутежи.

Поселившись в Москве, граф Федор Толстой сошелся с литературными людьми — Вяземским, Баратынским, Жуковским, Батюшковым, Денисом Давыдовым, Пушкиным. С Вяземским была попросту крепчайшая дружба, и тот посвятил одно из своих стихотворений тому,

Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист,
Под бурей рока — твердый камень,
В волненьи страсти — легкий лист.

●

Кандидат философских наук Н. К. Гаврюшин в читальном зале * «Поминание». XVII в. * М. А. Булгаков. Рукопись пьесы «Кабала святош» (Мольер). 1929. * Портрет Е. Нарышкиной, кисти Н. Бестужева * «Чита. Вид казематов и парников С. Г. Волконского». Акварель декабриста Н. П. Репина.

Стихи же Грибоедова, послужившие сегодня поводом для разговора о Толстом-Американце, общеизвестны. Менее известно то, что, встретившись с автором «Горя от ума», сей реальный прототип сказал ему: «Зачем ты обо мне написал, что я крепко на руку нечист? Подумают, что я взятки брал. Я взяток отродясь не брал»,— фраза, брошенная как отголосок уже знакомой нам маргиналии на списке Шаховского.

Вообще многие адресовали стихи и эпиграммы Федору Ивановичу: история одной эпиграммы, пушкинской,— это история их несостоявшейся дуэли. Ссора Пушкина с Толстым-Американцем хорошо известна, как известно и то, что дело стараниями Соболевского уладилось, и мир оказался настолько прочным, что Пушкин попросил быть своим сватом именно «Американца»: в 1829 году тот организовал с Гончаровыми поистине дипломатические переговоры.

Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку и литературу и чрезвычайно много читал. Есть и такое свидетельство: «Умён он был как демон и удивительно красноречив — любил софизмы и парадоксы, с ним трудно было спорить». Лев Толстой, двоюродный племянник «Американца», видавший его в детстве, говорил и о благороднейшей внешности: бронзовое лицо, белые как лунь волосы, прекрасные и печальные глаза.

В чем же была истинная суть этого человека? Герцен писал, что в «буйных преступлениях Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую нам всем», крик, порожденный пустотой и немотой русской жизни; один «взгляд на наружность старика,— отмечал автор «Былого и дум»,— на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы».

Однако теперь мы, сегодняшние люди, не вправе говорить, что та сила и энергия израсходовались впустую: Зарецкого в «Евгении Онегине», Сильвио в «Выстреле», графа Турбина в «Двух гусарах» и отчасти Долохова в «Войне и мире», наконец, полностью двух тургеневских рассказов: «Бретер» и «Три портрета» — не было бы и в помине, если бы их не определил Толстой-Американец: созидая самое себя, он одновременно выводил и оригинальный, особый образ русского человека XIX века, тот самый, что со школьной скамьи известен нам как образ человека «лишнего», ищущего и неприкаянного.

Именно это парадоксальное сочетание, эту трагическую двойственность натуры и отсутствие в краткий миг пребывания на земле всяческой цели отмечал прозорливый Стахович, говоря о нашем герое, что «немногие умные и даровитые люди провели так бурно, беспоЛезно, порой преступно свою жизнь, как провел ее Американец-Толстой; бесспорно, один из самых умных современников таких гигантов, как Пушкин и Грибоедов».

ПИСЬМО

Перейдем же к XX, нынешнему веку и вытянем из колоды последнюю карту — вот она: единицей хранения № 18 вложена в двадцатый картон фонда № 562.

О том, что она «Маргарита», знали буквально все знакомые: чуть косящий разрез глаз, тонкая изогнутая бровь, будто гофрированная укладка небольшой головы, и манера говорить, держаться, и узкий стан, сама повадка движений, но самое главное — судьба: встреча с любовью, верность этой любви, посвящение своей жизни жизни и таланту любимого человека,— все было написано в «Мастере и Маргарите» про Елену Сергеевну.

Булгаков познакомился с ней в 1929 году — она оставила для него все: благополучие, покой, дом — полную чашу; она перебралась в его ненавистную квартиру на Пироговке, переписывала его сочинения — вначале от руки, потом на «Ундервуде»; они не могли жить друг без друга.

Но эти годы отмечены у Булгакова началом не только прихода последней, а может, и единственной любви; смерть начинает стучаться клюкою в его окно: это — годы одновременно сияющего счастья и катастрофы: изнуряющие головные боли, гипертония почки, тяжелый невроз, страх пространства (он выходил из дому только с Еленой Сергеевной). С тех пор и до последнего мгновения его жизни она с ним — берет на себя ведение всех издательских дел, пишет пером или на машинке под диктовку последний роман Булгакова, где героиней — она сама. Но эта женщина была не только любимой женой, стенографом, машинисткой, делопроизводителем — она вдохновляла на работу, и в нем сказано в романе: «Она сулила славу, она подгоняла его...»

Булгаков, врач (как и Чехов), знал, что он умирает. Но и в свою последнюю зиму он, ослепший, прикованный к постели, работал. В ОР ГБЛ лежит листок, помеченный 6 января 1940 года: «...Шкаф, выход. Ласточкино гнездо. Альгамбра. Мушкетеры. Монолог о наглости. Гренада. Гибель Гренады. Ричард I.

Ничего не пишется, голова как котел... Болею, болею...» — это чуть ли не последний документ творческого воображения. Но над «Мастером и Маргаритой», над «закатным романом», он работал до самого конца, особенно над теми местами, что были связаны с его любовью: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да обрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»

Елена Сергеевна не отходила от постели: читала вслух, переклеивала вставки в особо перемаранные черновики. От болей у него путалась речь, и одна жена могла разбирать его слова, и потом уже, перед самой смертью, когда у Булгакова по временам меркло сознание и он не мог работать и диктовать, именно она произнесла клятву, достойную Маргариты: «...Я даю тебе честное слово, что перепишу роман, что я подам его, тебя будут печатать!»

В день смерти, в последующие несколько дней и в день похорон, несмотря на потрясение, она, исключительно аккуратная во всем, придающая всему, что связано с его именем, огромное значение, продолжала вести дневник: подробно описаны панихида в Доме писателей, то, что гроб провезли мимо МХАТа и Большого театра, упомянуты многие друзья. Василий Иванович Качалов, человек, чрезвычайно близкий Булгакову, не был среди них: его мучила тяжкая простуда, и он страшно переживал, что не может идти на кладбище проститься с тем, кого очень любил и перед кем преклонялся, и хоть была послана телеграмма, но на сердце оставалось что-то тяжелое, невыраженное, и вечером он написал письмо:

«Дорогая Елена Сергеевна.

Хочется сказать Вам несколько слов. И даже, пожалуй, не Вам, а куда-то, кому-то в пространство. Или, может быть, самому себе, но так, чтобы эти слова как-то дошли и до Вас. Мне хочется сознаться перед самим собой, что у меня не хватило сил на самое, казалось бы, простое дело: без всяких слов, хоть несколько минут побыть с Вами, посмотреть Вам в глаза, молча поцеловать Вашу руку. Не хватило сил на это. До такой степени волнительно и потрясающе-высоко напряжение Вашего духа, так велика красота всего Вашего поведения за этот страшный год,— что я почувствовал — нет у меня достаточных сил владения собой, чтобы мужественно и достойно, без истерии, хотя бы на какой-то момент, приблизиться к величию и красоте Вашего духа.

С преклонением и нежностью целую Вашу руку.

Василий Качалов».

ЭПИЛОГ

Елена Сергеевна сдержала свое обещание: она сделала все, чтобы именем ее мужа гордилась наша литература,— скрупулезно и благоговейно готовила к печати его произведения, а в 1966 году стала передавать архив Булгакова в ОР ГБЛ. Архив был идеально сохранен и подобран. Он начал сохраняться ею еще при жизни мастера и подбирался постоянно, но это не удовлетворяло Елену Сергеевну, и она наново перебирала бумаги, и частями, в течение полутора лет, в три приема, они перевозились в библиотеку: творческие черновики «Записок на манжетах», ранних рассказов и фельетонов, «Дьяволиады», «Белой гвардии», «Жизни господина де Мольера», «Театрального романа», «Бега», «Последних дней», «Зойкиной квартиры», инсценировки и либретто, записные книжки и письма. Эти материалы, среди которых лежит письмо Качалова — то, что мы теперь впервые опубликовали, и рукопись «Мастера и Маргариты», составили около сорока картонов и образовали булгаковский фонд — он хранится, как и другие сокровища, при особых условиях температуры, влажности и освещения.

«На закате солнца, высоко над городом, на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутораста лет назад, находились двое: Воланд и Азазелло. Они не были видны снизу с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев».

Думал ли мастер, что рукописи его найдут вечный приют в доме, который он считал «одним из самых красивых», ибо персонажи «Мастера и Маргариты» собираются в конце, очищаются, сбрасывают маски и глядят на Москву именно с крыши-террасы Пашкова дома? Имел ли в виду то, что, устраивая своим героям прощание с землей, он поместил их над бесценной кладовой человеческой мысли, страданий, радостей, прозрений, заблуждений, пророчеств, будто на острие, на грани между мигом и бесконечностью? Трудно сказать. Но в том, что успокоение и справедливость, порядок, истина и дух начинают торжествовать в его великой книге именно с этой страницы, именно в этой топографической точке мы, смертные, пытающиеся снова и снова осознать цену и смысл жизни, родины, истории и красоты, можем усмотреть некий, пусть романтический, но исконный смысл.

См. стр. 7.

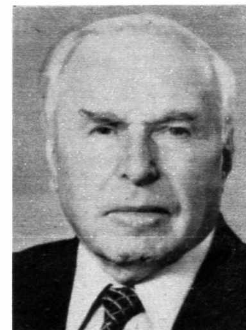
ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА

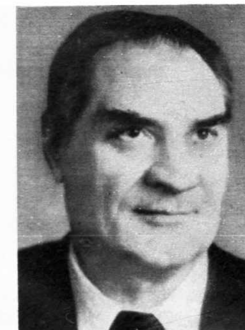

Н. В. ГОЛДИН. Министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР.

Г. И. ВАЩЕНКО. Министр торговли СССР.

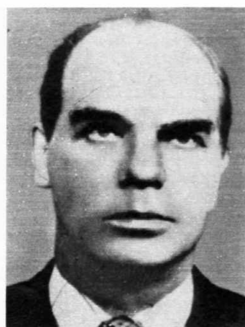

Б. Ф. БРАТЧЕНКО. Министр угольной промышленности СССР.

В. Ф. ГАРБУЗОВ. Министр финансов СССР.

П. Ф. ЛОМАКО. Министр цветной металлургии СССР.

И. П. КАЗАНЕЦ. Министр черной металлургии СССР.

А. В. КОВАЛЕНКО. Председатель Государственного комитета СССР по материальным резервам.

Е. В. КУЛОВ. Председатель Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике.

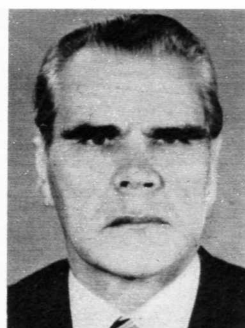

С. В. БАШИЛОВ. Председатель Государственного комитета СССР по делам строительства.

Ю. П. БАТАЛИН. Председатель Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам.

Н. Т. ГЛУШКОВ. Председатель Государственного комитета СССР по ценам.

Н. А. ПЕТРОВИЧЕВ. Председатель Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию.

Т. З. ХУРАМШИН. Председатель Государственного комитета СССР по обеспечению нефтепродуктами.

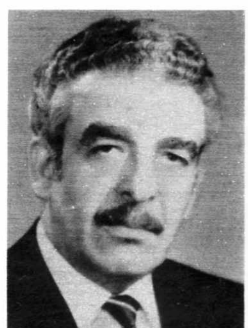

И. М. ВЛАДЫЧЕНКО. Председатель Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору.

П. А. АБРАСИМОВ. Председатель Государственного комитета СССР по иностранному туризму.

М. С. СМИРТЮКОВ. Управляющий делами Совета Министров СССР.

В. С. АЛХИМОВ. Председатель правления Государственного банка СССР.

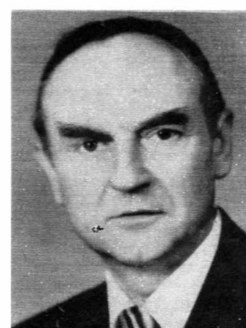

Л. М. ВОЛОДАРСКИЙ. Начальник Центрального статистического управления СССР.

Д. Л. КАРТВЕЛИШВИЛИ. Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

Г. Н. СЕИДОВ. Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

Р.-Б. И. СОНГАЙЛА. Председатель Совета Министров Литовской ССР.

И. Г. УСТИЯН. Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

Ю. Я. РУБЭН. Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

А. ДУЙШЕЕВ. Председатель Совета Министров Киргизской ССР.

ССР—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

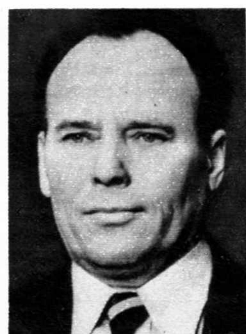
П. С. НЕПОРОЖНИЙ.
Министр энергетики и электрификации СССР.

Б. В. КРАВЦОВ.
Министр юстиции СССР.

И. С. НАЯШКОВ.
Председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий.

Г. Д. КОЛМОГОРОВ.
Председатель Государственного комитета СССР по стандартам.

Я. П. РЯБОВ.
Председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям.

Ю. А. ИЗРАЭЛЬ.
Председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды.

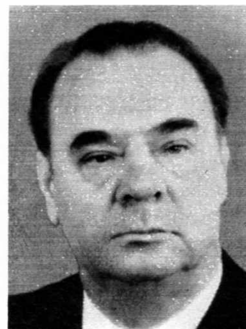
С. Г. ЛАПИН.
Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

Ф. Т. ЕРМАШ.
Председатель Государственного комитета СССР по кинематографии.

Б. Н. ПАСТУХОВ.
Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

А. И. ЗВЕРЕВ.
Председатель Государственного комитета СССР по лесному хозяйству.

В. М. ЧЕБРИКОВ.
Председатель Комитета государственной безопасности СССР.

Л. И. ХИТРУН.
Председатель Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства.

А. М. ШКОЛЬНИКОВ.
Председатель Комитета народного контроля СССР.

В. И. ВОРОТНИКОВ.
Председатель Совета Министров РСФСР.

А. П. ЛЯШКО.
Председатель Совета Министров Украинской ССР.

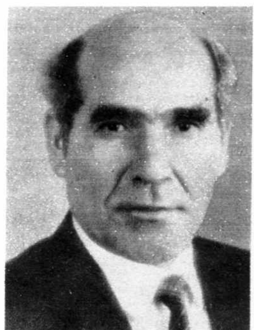
В. И. БРОВИКОВ.
Председатель Совета Министров Белорусской ССР.

Н. Д. ХУДАЙБЕРДЫЕВ.
Председатель Совета Министров Узбекской ССР.

Н. А. НАЗАРБАЕВ.
Председатель Совета Министров Казахской ССР.

К. МАХКАМОВ.
Председатель Совета Министров Таджикской ССР.

Ф. Т. САРКИСЯН.
Председатель Совета Министров Армянской ССР.

Ч. С. КАРРЫЕВ.
Председатель Совета Министров Туркменской ССР.

Б. Э. САУЛ.
Председатель Совета Министров Эстонской ССР.

В. И. ТЕРЕБИЛОВ.
Председатель Верховного суда СССР.

А. М. РЕКУНКОВ.
Генеральный прокурор СССР.

См. стр. 2.

В тот же день в 17 часов в Большом Кремлевском дворце, в зале заседаний Верховного Совета СССР открылось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебрикова, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Сессия переходит к рассмотрению очередного вопроса повестки дня — избранию Президиума Верховного Совета СССР.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС депутату М. С. Горбачеву. По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачев вносит на рассмотрение депутатов поддержанное партийной группой Верховного Совета и Советами Старейшин палат предложение избрать Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Константина Устиновича Черненко Председателем Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

М. С. Горбачев вносит на рассмотрение депутатов предложения о первом заместителе Председателя Президиума Верховного Совета СССР, заместителях Председателя, секретаре и членах Президиума Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР единогласно избирает Генерального секретаря ЦК КПСС депутата К. У. Черненко Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Зал встречает это решение бурными аплодисментами.

Затем депутаты избирают первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС депутата В. В. Кузнецова. Избираются заместители Председателя, секретарь и члены Президиума Верховного Совета СССР.

Слово предоставляется товарищу К. У. Черненко. Депутаты и гости встают и приветствуют его долго не смолкающими аплодисментами.

Думаю, что выражу чувства всех членов только что избранного Президиума Верховного Совета СССР, сердечно поблагодарив Центральный Комитет КПСС, всех вас, товарищи депутаты, за оказанное нам высокое доверие,— сказал товарищ К. У. Черненко.

Председательствующий на заседании Л. Н. Толкунов оглашает поступившее на его имя заявление Председателя Совета Министров СССР депутата Н. А. Тихонова:

«В соответствии со статьей 129 Конституции СССР Совет Министров СССР считает свои обязанности исчерпанными и слагает свои полномочия перед вновь избранным Верховным Советом СССР.

Совет Министров СССР просит вас довести это заявление до сведения Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик».

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, встреченному горячими аплодисментами.

Разрешите мне по поручению Центрального Комитета партии,— сказал депутат К. У. Черненко,— внести на ваше рассмотрение поддержанное партийной группой Верховного Совета СССР и Советами Старейшин палат предложение вновь назначить на пост Председателя Совета Министров СССР члена Политбюро ЦК КПСС Николая Александровича Тихонова.

Верховный Совет СССР в своем постановлении единогласно принял к сведению заявление Совета Министров СССР и одобрил деятельность правительства СССР. Председателем Совета Министров СССР назначен Н. А. Тихонов. Ему поручено представить Верховному Совету СССР предложения о персональном составе правительства СССР.

Затем сессия перешла к рассмотрению вопроса об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР. С докладом выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили.

Верховный Совет СССР утвердил Указы Президиума Верховного Совета СССР и принял соответствующие Законы.

12 апреля на втором совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей по вопросу образования Совета Министров СССР слово предоставляется Председателю Совета Министров СССР депутату Н. А. Тихонову.

Верховный Совет СССР единогласно утверждает состав правительства СССР — Совета Министров СССР.

Слово для заявления Совета Министров СССР о его предстоящей деятельности предоставляется Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову. Заявление Советского правительства было выслушано с большим вниманием и неоднократно прерывалось продолжительными аплодисментами.

Верховный Совет единогласно принял постановление, одобряющее основные направления предстоящей деятельности Совета Министров СССР в области внутренней и внешней политики.

Затем Верховный Совет перешел к рассмотрению вопроса об Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. С докладом выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат Г. А. Алиев.

После прений Верховный Совет СССР единогласно принял постановление «Об Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Верховный Совет СССР образовал Комитет народного контроля СССР под председательством А. М. Школьникова, избрал Верховный суд СССР во главе с Председателем В. И. Теребиловым и назначил Генеральным прокурором СССР А. М. Рекункова.

На этом первая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва закончила работу.

ТОРГО В ОЛИ

Одна из строф знаменитой «Оды спорту» основателя Олимпийских игр современности Пьера де Кубертэна звучит особенно образно: «О спорт! Ты — благородство! Ты возводишь стадионы — театры без занавесей. Все свидетели всему. Никакой закулисной борьбы». В 1925 году, покидая пост президента Международного олимпийского комитета, этот французский гуманист, разоблачавший попытки вывести профессионалов на подмостки «олимпийского театра», уже тогда предупреждал: «Рынок или храм... Необходимо сделать выбор. Нельзя притворяться, будто служишь и тому и другому одновременно».

А американцы и не думают притворяться. И выбор свой они давно уже сделали. Применительно к процитированному Кубертэну Игры XXIII Олимпиады, которые должны состояться летом нынешнего г. в семимиллионном «больном гиганте Калифорнии», как называют Лос-Анджелес американцы, сравнивают с «театром без занавесей». Правда, в смысле, совершенно противоположном тому, какой придавал ему Кубертэн, ибо действительно «все свидетели всему» — тому, в частности, как беззастенчиво орудуют воротилы большого бизнеса вокруг олимпийских арен и проблем, как обстряпывают дурно пахнущие закулисные сделки, как вынашиваются, а затем выплескиваются грязной волной политические провокации, подрывающие дух олимпийского мира. Ну, а о благородстве спорта у них голова болит меньше всего. Оргкомитет летних игр 1984 года (ЛАООК) цинично, чисто по-американски отмахнулся от предупреждений Пьера де Кубертэна, а заодно от большинства фундаментальных положений Олимпийской хартии. Дельцы и политиканы вломились в храм олимпийских идеалов и принципов, превратив его в рынок, где торгуют всем, даже веками освященными олимпийскими традициями.

Недавно актриса греческого театра «Арма Теспидос» Мария Московлу, которая со времен Белой Олимпиады 1964 года в Инсбруке склоняет колено у алтаря Зевса храма Геры в Олимпии, чтобы возжечь от лучей солнца олимпийское пламя, отказалась играть роль главной жрицы в этой торжественной церемонии, а жители Олимпии — проводить ритуал. Их решение поддерживает народ Греции и правительство страны. Чем же объяснить столь необычную демонстрацию протеста и против чего или против кого она направлена?

Чтобы понять это, вернемся на четыре года назад. «Олимпийский огонь — это наша святыня. Он олицетворяет страстное желание мира и братства людей на всей земле»,— говорила Мария Мосcолиу накануне Московской олимпиады. И вот эту олимпийскую святыню распродает, и даже не оптом, а в розницу, ЛАООК, снедаемый погоней за долларами: он решил каждый километр эстафеты продавать любому, кто выложит на бочку три тысячи долларов.

«Огнепоклонники», распродающие по километрам огненную эстафету, символизирующую чистоту идеалов олимпизма, вызвали волну гнева и возмущения широких кругов общественного мнения во многих странах мира. Вот почему отказываются от участия в торжественной церемонии жрица олимпийского огня Мария Московлу и вся Греция.

МОК предложил сторонам провести переговоры, ибо эстафета олимпийского огня летних Игр 1984 года оказалась под угрозой срыва. Переговоры между президентом ЛАООК Питером Юберротом и членами МОК от Греции Николаосом Ниссиотисом и Никосом Филаретосом прошли весьма холодно и закончились безрезультатно, так как представители ЛАООК высокомерно отказались изменить формулу огненной эстафеты. А что же МОК? Помню, еще в 1973 году нынешний президент высшего органа олимпийского движения Хуан Антонио Самаранч подчеркивал с трибуны X Олимпийского конгресса в Варне важность соблюдения олимпийского протокола, нравственное значение всех олимпийских церемониалов. Но сейчас, когда мы сталкиваемся, по существу, с надругательством барышников над идущей от века традицией, руководство МОК (пока по крайней мере) ограничилось довольно вялой констатацией того бесспорного факта, что «олимпийский огонь — неотъемлемая часть Олимпийских игр». А ведь надо было бы, наверное, энергично заявить: «Олимпийское пламя не продается!»

Х. А. Самаранч заявил однажды, что «бизнес может оказывать услуги спорту при условии, что спорт не станет его слугой». На поверку оказывается, что в Лос-Анджелесе спорт подвергается серьезному риску стать прислужником бизнеса. Английская газета «Обсервер» не без оснований замечает по этому поводу, что в калифорнийском городе «мир впервые увидит Игры большого бизнеса», а коммерческий директор ЛАООК Дж. Рубинстайн заявил: «Олимпиада покажет, на что способно свободное

В Ц Ы
МПИЙСКОМ ХРАМЕ

Игорь МАРИНОВ

предпринимательство». И оно уже показало. Деловой мир еще никогда не оказывал услуг бесплатно, а потому требует барышей.

Как это могло произойти? Как могло случиться, что Олимпийские игры, принадлежащие, по Хартии, МОК, а в конечном счете всему человечеству, прибрала к рукам кучка дельцов? Оказавшись на афинской сессии МОК 1978 года единственным претендентом на звание столицы Игр XXIII Олимпиады, Лос-Анджелес, естественно, получил право на их проведение и весьма своеобразно воспользовался им: в ущерб олимпийскому движению, но к явной выгоде стремящихся порезвиться на ниве спорта бизнесменов-энтузиастов. Они попросту поставили МОК перед фактом.

Мэр «города ангелов» Том Брэдли заверил всех, что не потратит ни одного «никеля» (мелкая монета стоимостью 5 центов) на Олимпиаду, ибо муниципальный бюджет напряжен, как струна. И вот тогда, пишет журналист Кеннет Райч из «Лос-Анджелес таймс», «перед политическими руководителями города встала задача создания частного оргкомитета, что было трудным делом, так как правило Олимпийской хартии вменяет все финансовые и иные заботы по организации Игр только властям города».

Вот так появился оргкомитет частных лиц (ЛАООК), некая коммерческая ассоциация, которая, называя себя новаторской, но бедной, бравируя тем, что не опирается на плечи ни федерального, ни калифорнийского министерства финансов, сама находит подрядчиков, сама заключает договоры, сама набивает карманы деньгой.

Президент ЛАООК Питер Юберрот на всех сессиях МОК, заседаниях его исполкома неустанно твердит, что они-де бедные, а потому не могут предоставить участникам Игр и журналистам целый ряд традиционно бесплатных услуг. Бедны они, пожалуй, только в лингвистическом отношении, скудноват словарный запас, он сводится к синонимическому ряду: выбивать, выколачивать, выуживать, выманивать, вымогать, вытягивать... Например, баснословно дорого — за 225 миллионов долларов — продал ЛАООК исключительное право на телетрансляцию олимпийских соревнований одной из трех главных компаний США, Эй-би-си. Кроме того, он заключил контракты на десятки миллионов долларов с рядом других телеобъединений.

Появившись в результате нарушения олимпийских правил, ЛАООК продолжает преступать положения Хартии, а цепочка его правонарушений как бы автоматически вытягивает за собой цепочку уступок со стороны МОК. Новаторский частный оргкомитет прежде всего решил похоронить идею единой олимпийской деревни, родившуюся здесь, в Лос-Анджелесе, во время Игр 1932 года. Он попросту отказался от ее строительства, арендовав студенческие общежития Калифорнийского университета Лос-Анджелеса (ЮКЛА) и университета Южной Калифорнии (ЮКА). Отдельные деревни будут у яхтсменов (это в порядке вещей), у гребцов в Лейк-Каситас, что в 130 километрах от Лос-Анджелеса, еще одна в Коста-де-Каза — в 122 километрах, еще одна и еще одна... Подобно рассыпавшемуся ртутному столбику, все эти субдеревни окружат Лос-Анджелес, создавая дополнительные трудности для атлетов, так как находятся на солидных расстояниях от сооружений, где придется соревноваться.

Учитывая более чем вероятные трудности в проблеме транспорта в Лос-Анджелесе, единственном таком большом городе в мире, не имеющем метро и других общественных средств передвижения, можно утверждать, что «дешевизна, новаторство и спартанские условия», превозносимые ЛАООК при проведении Игр, дорого обойдутся участникам. Между тем проживание спортсменов и других членов национальных делегаций будет стоить 35 долларов в день, вдвое дороже, чем в Москве.

В рамках одной статьи невозможно перечислить все нарушения Олимпийской хартии, все трудности, которые вызваны курсом ЛАООК, рассматривающим Олимпиаду, по словам генерального секретаря НОК Италии Марио Песканте, как «очередное деловое предприятие».

Более подробно стоит остановиться на социальном и политическом климате калифорнийского города, столь важном при организации Олимпийских игр.

«Во всем мире говорят: тому, кто хочет набраться опыта в грабежах и вооруженных нападениях, лучше всего ехать в Соединенные Штаты». Таково мнение бывшего вице-президента США Мондейла. «Пропорционально к числу населения наша страна содержит в тюрьмах больше преступников, чем любое государство в мире, а Калифорния лидирует среди всех 50 американских штатов»,— делится с нами своими данными Джим Маккафи, руководитель профсоюза рабочих исправительных учреждений. А сержант полиции Лос-Анджелеса Бос Ребхан признается, что «никогда не выходит даже в часы, свободные от дежурства, без оружия».

Проблема безопасности в Лос-Анджелесе, где оперируют от 20 до 50 различных хорошо организованных бандитских и террористических банд, стоит весьма остро. Это привело к тому, что в округе Лос-Анджелеса, констатирует английская «Санди таймс», «американцы убивают друг друга в таком невиданном темпе — в среднем 6 человек в день,— что в полицейском морге не хватает жилплощади».

Хотя полиция и обещает по одному охраннику на каждого участника Олимпийских игр, становится как-то не по себе, когда представляешь, что ехать, так сказать, в гости многим придется с чувством страха и тревоги, а соревноваться под дулами пистолетов. Как тут не вспомнить слова главы французской делегации на Олимпиаде 1980 года в Москве Жоржа Будри: «Как это приятно, что в отличие от Мюнхена и Монреаля здесь, в советской столице, во время Игр я ни разу не видел у милиционеров пистолета или автомата, не видел и овчарок». Что же он скажет о Лос-Анджелесе?

Лос-Анджелес — город крайне резких расовых конфликтов. Вполне вероятно, что представителям ряда развивающихся стран будет там неуютно. Вспомним также, что именно здесь зародилось движение негритянских спортсменов за равные права, вылившееся в заключительную демонстрацию Смита и Карлсона против расовой дискриминации на пьедестале почета Олимпиады 1968 года в Мехико. Но определяет все здесь дух милитаризма и антикоммунизма, который укрепился в Лос-Анджелесе, этой кузнице оружия США, где выпускаются ракеты «Першинг», устанавливаемые в Западной Европе. Удивительно ли, что именно в Калифорнии, в Лос-Анджелесе, царят сейчас махровый антисоветизм, и политические провокаторы при поддержке местных властей и даже такие высокопоставленные представители Белого дома, как Майкл Дивер, разворачивают злобную кампанию против участия советских атлетов в Олимпийских играх 1984 года!

В Лос-Анджелесе, штаб-квартире Рейгана, исповедуют его взгляды на спорт, высказанные им в газете «Вашингтон пост». Парижская «Экип», наиболее авторитетное на Западе ежедневное спортивное издание, опубликовала комментарий к ним, с текстом которого небезынтересно будет ознакомиться советскому читателю. Привожу его почти без сокращений:

«Рональд Рейган никогда не утверждал, будто «ненависть свята», и не добавлял, как некоторые: «Если я к чему-то стремлюсь, то только потому, что ненавижу». И все же он принадлежит к тем людям, которые, причиняя зло другим, испытывают экстаз спортивного достижения, доступный лишь подлинному победителю. Его высказывания в «Вашингтон пост» можно было бы озаглавить так: «О рациональном использовании чувства ненависти на стадионах». В этом интервью президент США как бы между прочим касается вопросов, вроде бы и не столь важных, но они помогают ему лишний раз выпятить агрессивные черты, присущие его личности. Этот бывший игрок американского футбола — до того, как он стал актером в ковбойских фильмах серии «Б» — не колеблясь, утверждает, что «спорт по сути своей — проявление ненависти в ее чистом виде.»

Выходит, что принцип «фэйр плей» (благородной игры) не более чем изящный способ закамуфлировать ярость и врожденное стремление к убийству себе подобных, свойственные тем дамам и господам, которые соревнуются на высшем уровне. Некоторые стадионы и впрямь стали ныне сущим адом для тех, кто выступает на них в качестве соперников хозяев. Однако подобных публичных высказываний, призванных разбудить дьявольскую ненависть в душах спортсменов, до сих пор слышать не приходилось.

Рейган добавляет: «Спорт — это вид деятельности человека, наиболее приближенный к войне, но не смертельный». Возвращаясь к временам своей молодости, Рональд Рейган вспоминает об удовлетворении, которое он испытывал «от ненависти даже к цвету майки противника». По его мнению, ненависть в условиях нашей цивилизации — это источник раскрепощения духа и уверенности в своих силах».

...Так заканчивается полная сарказма заметка в парижской газете «Экип». Так Рейган объяснился в своей любви... к ненависти. Но вряд ли его панегирик жестокости и насилию найдет положительный отклик у настоящих спортсменов. Зато с каким вдохновением он был воспринят профессиональными антисоветчиками в США, в Калифорнии! Сейчас волна антисоветской истерии в Лос-Анджелесе поднимается все круче, слышатся прямые угрозы по адресу советских атлетов, составляются программы запугивания спортсменов из социалистических стран, способов склонить их к тому, чтобы они остались в США после Игр. В антисоветскую кампанию включились представители государственного департамента, ФБР, других специальных служб США, широко использующих щедро предоставляемые им средства массовой информации для разжигания антисоветских настроений, шпиономании, враждебности «даже к цвету майки» спортивных представителей СССР.

В этой обстановке политических провокаций, несовместимых с гарантиями, которые дал глава Белого дома в непреложном соблюдении всех правил Олимпийской хартии, энергичный протест НОК СССР и его призыв к президенту МОК Самаранчу созвать экстренное заседание исполкома Международного олимпийского комитета, оказался весьма своевременным. До сих пор МОК — увы! — занимал примирительную позицию по отношению к фактам многочисленных грубых нарушений Олимпийской хартии властями Калифорнии и Оргкомитетом Игр в Лос-Анджелесе. В том числе и правила 53, запрещающего политические демонстрации на территории Олимпийских игр. Пропаганда ненависти и экспорт насилия и жестокости, в том числе в спорте, несовместимы с Олимпийским движением.

См. стр. 22—23

столицы дни советские люди, как никогда, стали бдительными.

Наши контрразведчики добыли данные о готовящейся заброске абверовских агентов и обезвредили большинство из них. Но Хеллеру удалось скрыться.

После второго ранения он попал в советский госпиталь. Когда поправился, получил новые документы и направление в часть. Вероятно, он так и затерялся бы на полях сражений Великой Отечественной войны, если бы снова не оказался в плену. Там Хеллер нашел способ связаться с абверовцами и вторично прошел разведывательную подготовку. Его, якобы избитого на допросе, с соответствующей легендой водворили в лагерь для советских военнопленных. Шел февраль сорок пятого года.

Абвер реально оценивал обстановку. Война проиграна, крах неизбежен. И Хеллер получил задание: «Когда придут советские войска, вас вместе с другими русскими военнопленными отправят в Россию. Проверка предстоит серьезная, но вы обязаны выдержать. Затаитесь и ждите. Помните — час реванша рано или поздно наступит. И вы вновь понадобитесь. Мы вас тогда найдем».

...Не сложилась жизнь у Хеллера. Ни дома, ни семьи. Потянуло к вину. Одолела боязнь разоблачения. Покоя он не знал ни днем, ни ночью. Постепенно созрело решение: «Чтобы скрыть прошлое, надо приобрести документы на другую фамилию». Задуманное долго не удавалось осуществить, но все же нашлись нужные люди: за приличную сумму они «сделали» новый паспорт. Так Хеллер стал Александром Германовичем Ружинским.

ПРИВЕТ ОТ МАКСА ГЮНТЕРА

Комфортабельный автобус доставил большую группу иностранных туристов и коммерсантов из Москвы во Владимир. Гости с большим интересом всматривались в открывшуюся перед ними панораму древнего города-музея. Среди них находился и дон Кастильо.

Туристам была предложена обширная программа экскурсий: площадь Свободы, монумент в честь 850-летия города Владимира, историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, картинная галерея, церковь Покрова на Нерли — памятник архитектуры XII века — и многое другое. Гости изрядно устали и, вернувшись в гостиницу, тут же пообедали и разбрелись по номерам. Отдых! Завтра утром в Суздаль.

Но Кастильо было не до отдыха. Он приехал «работать» и время зря терять не станет. Испанец вышел из гостиницы, остановил такси, долго петлял по городу, где-то пересел в другую машину и на окраине, щедро рассчитавшись с шофером, юркнул в подъезд двухэтажного кирпичного дома. По едва освещенной лестнице поднялся на второй этаж и нашел нужную квартиру. Позвонил. Дверь открыл мужчина средних лет.

— Вы Ружинский? Александр Германович?

— Да, Ружинский.

Хозяин недоумевал — человек ему незнаком. И, кажется, иностранец.

— Разрешите войти? — Не дожидаясь приглашения, испанец решительно переступил порог, бросив на ходу: — Вы один дома?

И, видимо, желая самолично убедиться в этом, прошел в комнату, заглянул в туалет, на кухню. Явно шокированный этой бесцеремонностью, хозяин продолжал стоять, растерянно разглядывал гостя. А потом сердито спросил:

— Быть может, соизволите объяснить, кто вы такой и что привело вас ко мне?

Кастильо улыбнулся и с нарочитым добродушием сказал:

— Не надо сердиться... Садитесь, у нас серьезный разговор.

Присев, Ружинский хмуро буркнул:

— Слушаю вас.

— Вам передает привет немец Макс Гюнтер.

Кастильо испытующе посмотрел, оценивая реакцию. Но на лице Ружинского появилось только хорошо отрепетированное недоумение.

— Гюнтер, немец?.. Не знаю такого.

— Не валяйте дурака, Александр Германович.— В голосе Кастильо уже угроза.— Не шутите с огнем. Вам он хорошо знаком. Или память изменила? Не рановато ли?

— Уверяю вас, извините, не знаю вашего имени...

— Мигуэль Кастильо.

— ...Я впервые слышу фамилию Гюнтер.

— Придется помочь. Макс Гюнтер — бывший сотрудник абвера. Точнее, один из руководителей абвергруппы.— И Кастильо назвал номер группы.— Вы служили под его началом.

Ружинский побагровел, вскочил, едва справляясь с дрожью в ногах.

— Это ложь, ложь! Я не знаю никакого Гюнтера и в абвере не служил! С чего вы взяли? — Дрожащими руками он вытащил из кармана пиджака папиросы, спички и закурил. Несколько раз затянулся и глухо проговорил: — Вы пришли шантажировать?

— Успокойтесь, Артист,— такая, кажется, кличка была у вас в абвере? — невозмутимо спросил Кастильо.

— Откуда вы знаете? — прохрипел Ружинский и, спохватившись, что, по существу, сейчас он выдал себя, стал вновь упрямо твердить: — Это ложь, шантаж! Я не служил у немцев! Я честно воевал, был ранен!

— Если, как вы говорите, честно воевали и у немцев не служили, то почему стали вдруг Ружинским? Ведь ваша действительная фамилия...— Не закончив фразу, Кастильо в упор уставился на Артиста, выдерживая паузу.— Может быть, назовете ее сами?

Ружинский молчал.

— Что же вы молчите? Будьте мужчиной! Вы русский немец Хеллер. Под этой фамилией призывались, служили в Красной Армии, сдались в плен, служили в абвере. А теперь вот Ружинский. Просто так фамилии не меняют.

Ружинский угрюмо взирал на испанца и почти шепотом спросил:

— Откуда вам все это известно?

— Из вашего досье по абверу, которое теперь у меня. Я в него время от времени заглядываю.— И, перейдя на доверительный тон, стал успокаивать хозяина дома: — Вы напрасно паникуете. Я вовсе не собираюсь доносить Комитету госбезопасности. Полагаю, что вы человек разумный и мы найдем общий язык. А если нет — пеняйте на себя.

Ружинский прошелся по комнате, сел.

— Что вам от меня надо?

— Вот это уже по-мужски, одобряю.

Кастильо похлопал Ружинского по плечу, голос стал прямо-таки медовым.

— Я из ЦРУ. Фирма в рекомендации не нуждается. Абверовская агентура давно работает на нас. И ваш бывший шеф Макс Гюнтер тоже. Кстати, он лестно отзывался о вас.

— Я хочу знать,— уже спокойно спросил Ружинский,— как вы меня нашли, не зная нынешней фамилии?

— Отвечу. Это было нелегко. Помогли люди. В досье осталась ваша фотография. Опять же примета — ранение в палец.

— Что вы от меня хотите, господин Кастильо?

— Работы и только работы.

— Что я должен делать?

— То, что вы делали в абвере. Добывать информацию. Впрочем, вас, старого разведчика абвера, учить не нужно... Не хуже меня знаете, что именно интересует в Советском Союзе разведку. Пригодится любая информация. Однако должен предупредить, что вознаграждение будете получать в зависимости от ценности вашей информации.

Из внутреннего кармана пиджака Кастильо вынул пачку денег и сунул их Ружинскому.

— Это аванс.

У хозяина заблестели глаза, и Кастильо подумал: «Такой мать родную продаст. Макс Гюнтер был прав, рекомендуя Артиста».

Ружинский с явным удовольствием сунул деньги в карман.

— Для порядка прошу расписку. Как говорят русские — деньги любят счет, а я отчитываюсь перед шефом.

— Расписку? Это можно,— согласился Ружинский. Написал расписку, поставил подпись и даже дату.

— Вот и прекрасно. Будем считать, что главная часть дела сделана. Остались детали...— И Кастильо извлек из портфеля небольшой сверток. В нем находились миниатюрный фотоаппарат и кассеты к нему с запасом пленок.

— Вы, надеюсь, не разучились обращаться с этим?

Артист повертел аппарат в руках и ответил:

— В принципе да. Но этот необычен. Покажите, как пользоваться, заряжать.

Продемонстрировав несложную технику в действии, Кастильо счел нужным предупредить:

— Думаю, излишне напоминать о максимальной осторожности. Не хуже меня знаете, чем кончается провал агента в Советском Союзе. Но если вдруг... Уличающие вас доказательства уничтожить, а при задержании и допросе все начисто отрицать. Меня вы не знаете, я вас тоже... Ясно?

— Ясно, господин Кастильо. Но я хотел бы знать более существенное: как будем поддерживать связь?

— Запишите адрес... Жаклин Жаньен, улица Ваграм, 75018, Париж, 65, Франция. Лучше, если запомните, а записку уничтожите... Собрав достаточную информацию, отошлите по этому адресу письмо с таким текстом: «Милая Жаклин, я очень доволен поездкой, полон прекрасных впечатлений. Хочется, чтобы ты была здесь, рядом со мной. Скучаю, целую, твой Жаньен». Вместо обратного адреса укажите: «Проездом». Письмо опустите в любой московский почтовый ящик. Слева — не забудьте, именно слева — проставите дату отправления. Любую. Это будет означать, что пишете не по принуждению. В противном случае дату проставите справа. Значит, с вами что-то приключилось... Получив ваше сообщение, мы пришлем вам письмо с тайнописным текстом. Его тоже отправят из Москвы. Видимый текст будет чисто бытовым, а между строк после проявления обнаружите указания, как действовать дальше. Потом перейдем на бесконтактную связь через тайники. Об этом дадим вам знать. А теперь получите средства тайнописи и проявления.

Кастильо передал Ружинскому небольшую коробочку и пояснил:

— На дне ее инструкция. Дело нехитрое. Спрячьте подальше.

— Не беспокойтесь, я живу один.

— Мне известно,— продолжал Кастильо, придав голосу строгость,— что вы занимаетесь валютным бизнесом. Это опасно, особенно в вашей стране. Легко очутиться за решеткой. Кончайте с этим, порвите все связи с валютчиками.

Ружинский удивился: неужели и это известно новым хозяевам?

— Видимо, фирма не зря деньги платит, господин Кастильо... Такая осведомленность...

— Мы знаем о вас больше, чем вы предполагаете.— Испанец недобро усмехнулся и спросил: — Как у вас с работой? Поговорим о возможностях сбора информации.

— Я скромный советский служащий. Снабженец фабрики местной промышленности. Участвую в художественной самодеятельности: солист ансамбля, пою, и, кажется, неплохо. Играю на разных инструментах. С самодеятельностью разъезжаем по предприятиям Владимира и других городов области... Пользуемся успехом. Иногда выступаю с сольными концертами. Бывают и шефские концерты в воинских клубах.

— О, это же прекрасно! — перебил Кастильо.— Отличная возможность собирать интересующую нас информацию. Только не вздумайте дурить. С нами шутки плохи. Отыщем! Нашел же вас, когда понадобились.

— Вы зря повышаете голос и угрожаете мне. Я и так навеки связан с вами.

— Вот и хорошо. Люблю умных, деловых людей, понимающих тебя с полуслова. А теперь удаляюсь. Желаю успеха.

...Через час Кастильо примкнул к своей группе туристов. Ему показалось, что отлучка осталась незамеченной.

Утром иностранные гости выехали в Суздаль, и тут уже Кастильо вел себя как добропорядочный турист, жадно внимающий тому, что рассказывает опытный экскурсовод...

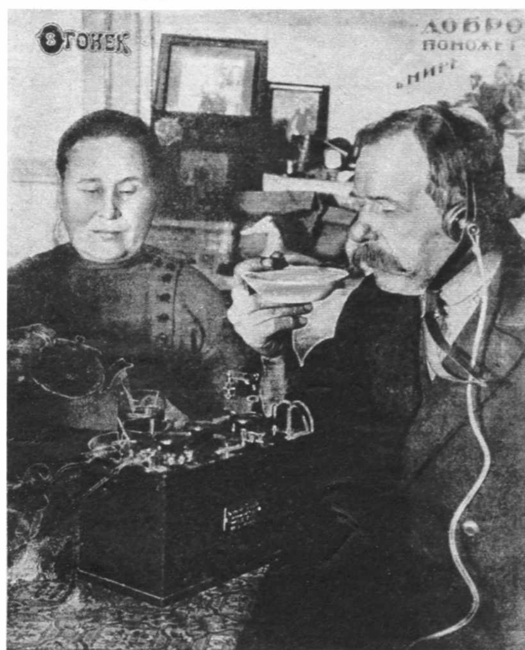
Тем временем Бутов уже докладывал Клементьеву о встрече Кастильо с Ружинским. Есть еще много вопросительных знаков. Не агент ли этот Артист? А если да, то где и когда его завербовали?

— Скорее всего, во время войны,— высказал предположение генерал Клементьев и распорядился собрать как можно больше сведений о Ружинском, тщательнее разобраться в его прошлом.

Продолжение следует.

СО СТАРЫХ СТРАНИЦ «ОГОНЬКА»

1925 год

Подобные фотографии часто появлялись тогда в «Огоньке». Радиофикация страны делала свои первые шаги, ей придавалось большое значение. Подпись под этим снимком гласит:

«Радио в семье рабочего.

В Москве и по СССР установлено уже несколько тысяч радиоприемников на квартирах и в рабочих клубах.

На снимке — рабочий слушает радиогазету за вечерним чаем. Поздравление «С Новым годом!» передается по радиотелефону во все концы Советского Союза в ночь на 1 января 1925 г.». (№ 1).

В 1925 году великий полярный исследователь Фритьоф Нансен посетил нашу страну, совершил большую поездку по Закавказью, а затем приехал в Москву.

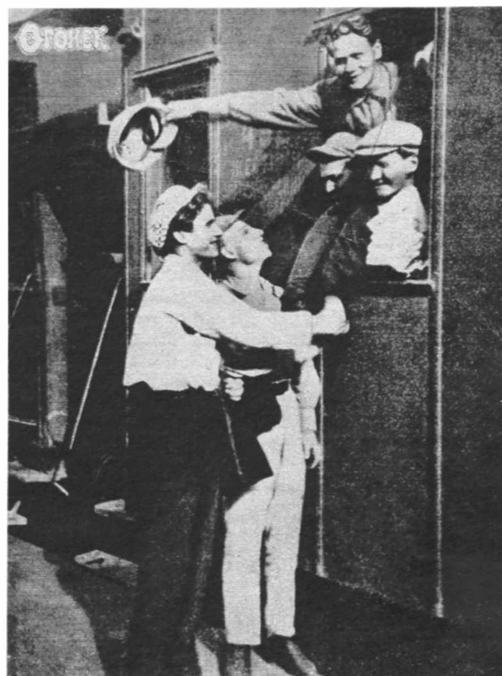
Снимок запечатлел момент его встречи на столичном вокзале. Фритьоф Нансен — в сером костюме, с плащом на руке. (№ 31).

Противоречия, присущие так называемому свободному предпринимательству в капиталистическом мире, существовали и шестьдесят лет назад, как существуют и в наши дни.

Борьба между фермерами и молочными трестами, которые, скупая продукты, сильно сбивали цены и тем самым разоряли сельских тружеников, принимала порою вооруженный характер.

На снимке: грузовик, принадлежащий тресту, следует в город под усиленной охраной. (№ 2).

В последующих номерах «Огонек» уделяет много внимания посланцам комсомола в деревне. А это, так сказать, первая ласточка. Под снимком подпись: «Две тысячи комсомольцев направлены на работу в деревню. Рука об руку с партией комсомол укрепляет коммунистический фронт в деревне».(№ 30).

Фотография изображает ветеранов Парижской Коммуны у Стены коммунаров. Это знамя Парижской Коммуны 1871 года было передано Московскому Совету в 1924 году. В подписи под снимком сказано: «В настоящее время знамя коммунаров находится в Мавзолее В. И. Ленина». (№ 13)

В 1925 году отмечалось 200-летие Академии наук СССР.

Устроители торжественного празднования разыскали и пригласили праправнучку М. В. Ломоносова — Нину Быкову. Она была тогда пионеркой.(№ 37)

Юмор

МАКУЛАТУРНЫЙ ДРЮОН

КИНОСЦЕНАРИЙ

Вячеслав ОСТРОВСКИЙ

Атлетического сложения молодой человек, тяжело дыша, поднимается по лестнице, держа у груди увесистый пакет. Останавливается у двери с табличкой «Отдел кадров».

Переведя дух, робко стучится, но, услышав громкое «Войдите!», уверенно входит в кабинет.

За массивным столом сидит начальник.

С любопытством смотрит на вошедшего.

— Присаживайтесь, молодой человек! — бодро приглашает он, не сводя глаз с пакета.

— Я по объявлению... Хотел бы работать в библиотеке вашего предприятия,— стеснительно выговаривает молодой человек, не решаясь присесть к столу. Его мускулистые руки еще судорожнее сжимают пакет, перевязанный бечевкой.

Начальник радостно, но и одновременно тяжко вздыхает:

— Мы всегда рады приветствовать культурную молодежь... Макулатуру положьте в уголок... небось, все двадцать килограммов,— участливо, но не без зависти выдыхает он.— А вот мне вчера не повезло: одышка, знаете ли, замучила... Вот и прозевал очередь на свой талон. Дрюона давали. А вам, может, больше английский детектив по душе? — полюбопытствовал начальник.— Мне бы вашу молодость да быстрые ноги! — мечтательно протянул он.

А про себя подумал: «Замечательная нынче молодежь! Идет на работу устраиваться, а все равно не забывает о пище духовной. Рациональный, предприимчивый, энергичный... Не теряет времени зря — всюду поспеть хочет. Молодец! Такие кадры нам и нужны...»

— Да вы присаживайтесь! Пакетик-то оставьте у дверей... Давайте ваши документы... Да, нам необходима в нашей работе просвещенная молодежь...

Доброжелательные слова и широкая улыбка.

Молодой человек, переминаясь с ноги на ногу в кроссовках 44-го размера, наконец решился подойти к столу.

На секунду покраснел. Еще несколько секунд выискивал взглядом пустое от деловых бумаг место на столе.

Развязал пакет.

Потупил очи, кладя его прямо напротив добродушного толстяка, молвил только:

— Вот...

С недоумением развернув пакет, начальник отдела кадров задышал еще сильнее, мгновенно покрывшись астматической краснотой и испариной.

Перед ним лежала трудовая книжка.

Действительно килограммов эдак на двадцать.

гости «огонька»

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

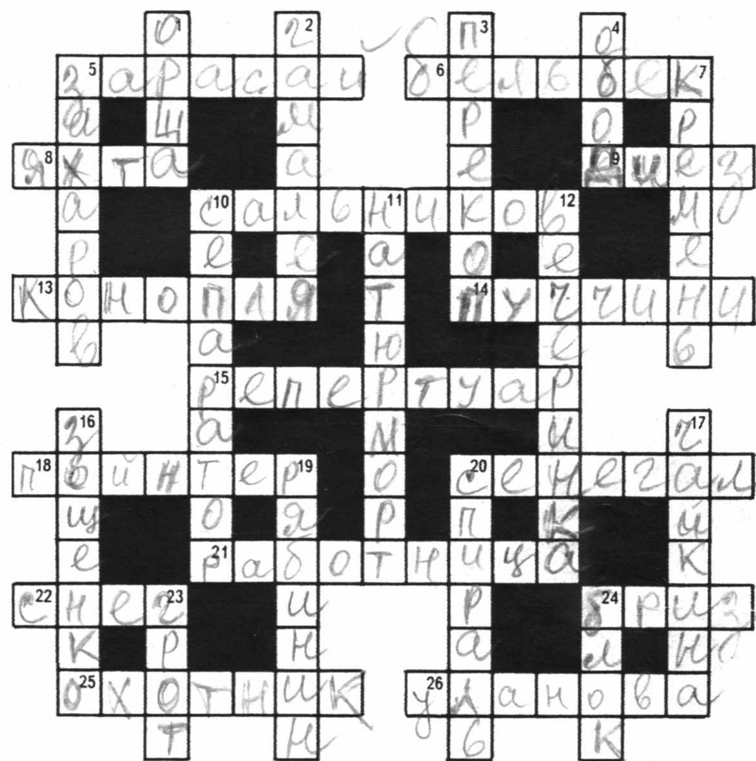
Гостями редакции были эстрадные драматурги, члены творческого литературного объединения при «Росконцерте»: Л. Французов, А. Трушкин, Е. Смолин, В. Добужский. Авторы сами читали свои произведения, написанные для ведущих артистов эстрады. С этим делом они справились легко и обаятельно, доказав, что их профессиональное остроумие не притупилось. О природе юмора написаны целые трактаты, но и до сего дня не совсем ясно, кого же считать юмористом. К примеру, Нодар Думбадзе рассудил так: «Высмеивать можно буквально все, но нужно ли?.. Человек, который в этом разбирается, и является юмористом».

Думается, гости «Огонька» в этом разбираются. В борьбе с недостатками смех — оружие сильное... Сатире и юмору подвластна и публицистика. Л. Французов окончил МГУ, Е. Смолин — из лесотехнического института, В. Добужский — с театроведческого отделения ГИТИСа.

Смех нужен людям. Это с полной очевидностью доказывает успех концертов, где выступают мастера разговорного жанра, веселые люди — эстрадные драматурги.

Г. ГОГОТИШВИЛИ

На снимке: Л. Французов читает свой новый рассказ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Город в Литве. 6. Река в Крыму. 8. Спортивное, прогулочное судно. 9. Нотный знак. 10. Чемпион Олимпийских игр, мира и Европы по плаванию. 13. Волокнистое и масличное растение. 14. Композитор, автор оперы «Чио-Чио-сан». 15. Произведения, исполняемые в определенном театре, на концертной эстраде. 18. Легавая собака. 20. Река в Западной Африке. 21. Советский журнал для женщин. 22. Атмосферные осадки. 24. Местный береговой ветер. 25. Басня И. А. Крылова. 26. Балерина, дважды Герой Социалистического Труда.

По вертикали: 1. Город в Витебской области. 2. Микробиолог, почетный член Академии наук СССР. 3. Роман О. Т. Гончара. 4. Наружная часть колеса. 5. Маршал Советского Союза. 7. Очень твердое минеральное образование. 10. Аппарат для отделения твердых частиц от газа или жидкости. 11. Жанр изобразительного искусства. 12. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 16. Советский писатель-сатирик. 17. Партизанка, Герой Советского Союза. 19. Действующее лицо пьесы М. Горького «Достигаев и другие». 20. Винтовая линия. 23. Пещера. 24. Советский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 1. Кабарга. 7. Реостат. 8. «Рафаэль». 9. Кибальников. 12. Бекабад. 15. Оркестр. 16. Уклейка. 17. Андалузит. 18. Каравайка. 20. «Коляска». 22. Волынка. 24. Казарма. 27. «Отверженные». 28. Беллини. 29. Ефремов. 30. Запятая.

По вертикали: 2. Артмане. 3. Амальгама. 4. Горпина. 5. Черешок. 6. Олентуй. 9. Консульство. 10. Виллевальде. 11. Ромашка. 12. Бруэжак. 13. Дубрава. 14. Шарабан. 19. Оранжевая. 21. Лотерея. 23. Нахимов. 25. Америка. 26. Манжета.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Разлив.

Фото Ю. Кавера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 02.04.84. Подписано к печати 17.04.84. А 00357. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1169. Заказ № 2411.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мир! Мир! Мир! Мир! — одни слова,
А что до дела — черта с два!

Дм. Демин

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663